

16+

Сысоева Раиса

Полынь: молекулы
горечи

РОМАН

Раиса Сысоева

Полынь: молекулы горечи

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Сысоева Р. Ю.

Полынь: молекулы горечи / Р. Ю. Сысоева — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Яна уверена в себе, у неё разработана четкая программа действий на ближайшую жизнь. И пока всё идет по плану: муж Константин успешный финансист, сынишка, работа, на которой её ценят. Шантажист Сергей образует червоточину в ее жизни - он охотится за деньгами её мужа, и угрожает её сыну. Однажды Яна увидела, как Сергей разговаривает с её сынишкой - Яна сталкивается с Сергеем лицом к лицу. Он начинает душить её и Яна в состоянии аффекта совершает убийство. Её внутренний мир сломан. Состояние Яны обостряется из-за появления прокурора по фамилии Сашкин. Присутствие Сашкина волнует и пугает Яну. Пытаясь возненавидеть Сашкина, Яна начинает в нем нуждаться.

© Сысоева Р. Ю., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Раиса Сысоева

Полынь: молекулы горечи

Все имена вымышлены, и любое совпадение с именами реальных людей является случайным.

Глава 1

Любуясь осенью в этом году, погоду с равной долей истины можно было назвать и тёплой, и холодной, и тихой, и ненастной. Солнце так решительно меняло настроение, передразнивая синоптиков, что неоправданная жара могла за полдня смениться широкой завесой дождевых туч. Неоднократно бывало, что утром невозможно было угадать, замёрзнешь ты по дороге с работы этим вечером, или, напротив, согреешься и спрячешь свёрнутую куртку в пакет да и шейный платок окажется лишним, потому что приятно пройти пару кварталов до магазина в одном тонком свитере, наслаждаясь безветренным теплом последних погожих недель. Ласковых бархатных недель... Дальше по курсу (на несколько длинных унылых месяцев) снег, мороз и новогодняя неразбериха, плавно переходящая в мартовский авитаминоз. Привычная сутолока для заурядного работающего человека.

Повседневная жизнь городских людей ограничена прямыми линиями стен, потолков, линий тротуара или дороги в четыре полосы. Всё множество маршрутов и движений, исполненных за день, удобнее было бы изобразить множеством отрезков прямой, наложенных на пёструю карту действительности.

По утрам людские потоки выплёскиваются, заполняя русла улиц, и покрывая живой волной молчаливые пустые соты офисных помещений, страдают, радуются, принимают решения и платят за ошибки, не замечая друг друга. Без этого пульса невозможен город. Сердцебиение толпы не останавливается ни на минуту, днём оно ритмичное, уверенное, ночью тише, с нервными скачками артериального давления по местам, где предпочитают бодрствовать и ночью.

Капризный и все-таки весьма солнечный сентябрь подходит к концу, напоминая всем живущим о приближении более серьёзного и вдумчивого октября, связанного словом чести со злым скрягой ноябрём.

Но горожане не видят кружева первых заморозков в поле на траве, не чувствуют привилегий объёмного шерстяного шарфа на длинной утренней прогулке вдоль украшенных инеем посадок молодого березняка, заботливо расположенных на окраине города, между тихими улицами, по обеим сторонам которых уютно расставлены частные дома и обжитые дачи. Шарм природной простоты имеет ту притягательную силу, которая увеличивается с ещё одним прожитым годом. Музыка тишины открыта не всем и не всеми.

Яна посмотрела из окна и позволила себе искренне улыбнуться. Ей редко доводилось бывать в деревне, но совсем маленькой она прожила целую неделю в тихом монастыре на берегу Волги. Самая счастливая неделя в её жизни. Мужу она об этом не считала нужным рассказывать. Мать с отцом и не догадывались о памятной поездке. Далёкая от целенаправленной лжи, Яна с чистым сердцем могла не договаривать о некоторых, самых драгоценных для неё вещах – просто молчать, оберегая их от посторонних.

Кухонные окна большой новой квартиры выходят на юг, и сейчас, после трех часов после полудня, комната утопает в горячем солнечном свете благосклонного сентябрьского дня. Самодостаточная капризная осень, вошла без приглашений ещё в первой трети августа, подула порывистым, ветром, поплакала, потом опомнилась, и всё время до этого дня оставалась тёплой и покладистой, даже короткими ливнями или внезапным ветром.

Идеально оформленные стены, прекрасная мебель, высокие потолки, и только натуральные продукты для приготовления пищи; одежда, качество которой не уступит туалетам супруги губернатора – всё это учительница математики Яна Александровна приобрела довеском в результате благополучного фактического брака с успешным деловым человеком Константином. Она устроила себя и старалась трезво оценивать свои шансы.

В глубине стенного шкафчика обширной квартиры четы Заляховых чистенькие отглаженные кухонные полотенца были аккуратнейшим образом уложены в безукоризненную

стопку, белоснежные салфетки такой же стопочкой расположились рядом. Невесомые занавески с модным нынче цветочным узором перехвачены конфетного оттенка декоративной лентой ручной работы. Яна бесшумно и ловко закрыла створку кухонного шкафа, механически стерла пальцем капельку коричневатой жидкости с поверхности стола. Шестилетний сын Максим, по всей видимости, вчера пытался самостоятельно налить гранатовый сок, и остались брызги, их всего несколько, но они хорошо заметны при солнце и это все портит. У основания тонкого носика Яны появилась хмурая складка, губы её недовольно покривились. При уборке или мытье посуды следует применять перчатки. Непонятно почему ей никак не удается избавиться от этой плебейской привычки, тереть и скрести все незащищенными пальцами и ногтями? Её идеальные ноготки под несколькими слоями синего глянца были просто загляденье. А вот босяцкий порыв – уборка любой ценой – лишнее, в ее положении уж точно. Жена банкира – порой ей даже снилось, как следует направлять финансовые потоки – наяву она не имела никакого представления о вложении денег или акциях.

Сегодня эта худая среднего роста женщина планировала освободить себя от приготовления пищи, все необходимое было сварено, испечено и куплено вчера. Её избалованному красивому мужу нравилось смотреть, как она работает на кухне (скромное платье, белый фартук, пальчики в муке, аромат горячей сдобы), потом он с гордостью перечислял своей матери все, что Яна в состоянии приготовить. Константина физически возбуждал вид жены, толкущейся на кухне. Но она решила – не сегодня. Стремление продумать и подготовить все заранее просто въелось в её ритмичную, похожую на спринтерский бег жизнь. Зато любое дело и любое событие в ее судьбе имело свое место, и почти сразу укладывалось на отведенную полку в просторном гардеробе прошлого. Как много и трудно она для этого работала!

Сначала, на самой заре отношений с перспективным Константином Заляховым, приходилось молчать и опускать глазки там, где яростно хотелось дать мужу пинка в пах, а свежескислыми зубами вцепиться в глотку. Потом пришло время мягких и настойчивых переговоров с любимейшим супругом о том, что его мама не всегда права в отношении снохи, родственники которой совершенно не так богаты и влиятельны, как родственники «дорогого Кости». Яна Александровна терпела. Вовремя родила, вышла через полтора года после родов вышла на работу, помнила обо всех особых датах, изучала прихоти Татьяны Анатольевны (в семье свекрови царил конституционный матриархат), стала всем милой, незаменимой, своей.

В финансовом плане Костя давал Яне даже больше, чем ей требовалось. В первый раз она смутилась, и открыла было рот для отказа, но вовремя прикусила язык – выработывание у мужа привычки экономить на жене обязательно аукнется в будущем. Особенно, если муж гражданский... И она начала делать сбережения. Просто так, для тренировки терпения. Частное предпринимательство мало интересовало учительницу математики. Тяги к драгоценностям у нее тоже не обнаружилось, но получая в подарок ювелирные украшения, она делала влажные глазки, и с восторгом улыбалась, чтобы от частого дыхания обнаженные части ее среднего размера груди энергично и привлекательно вздымались, выставляя на показ весь жар её восторга.

Итак, сегодня пятница. Впереди два выходных, относительно свободные дни, маленькие радости которых и составляют центр ее мироздания (только она, Максим и Костя). Яна искоса глянула на мужа, он заехал пообедать, и сидел за столом с газетой в руках. Она решила подогреть его разминки ради: незаметно, ловко стянула с волос резинку, и с наслаждением почувствовала на спине прикосновение гладких каштановых прядей, которые густо рассыпались по плечам. Раньше она носила каре, и ей самой это нравилось, но прошлым летом Костя как-то уж больно часто стал смотреть в сторону соседки, обладательницы длиннющей стильную косы, и Яне пришлось пересмотреть отношение к современным стрижкам, да и к оттенку краски для волос. Ну, в общем, пару месяцев назад волосы Яны стали однотонными. Она беззвучно вздохнула, помассировала основание шеи кончиками пальцев. В отсутствие Константина она с удовольствием поспала бы пару часов. Неделя была очень насыщенной, богатой на контроль-

ные работы и разносы от директора, у начальства в этом учебном году заметно испортился характер.

Сегодня на ней темно-синие (в цвет ногтей) обтягивающие шорты из тонкой джинсы, белая майка, и белый бюстгальтер, кружево которого будто бы случайно выглянуло из-за тонкой бретели. Ее кожа идеально гладкая, ее крем для тела – самый лучший. Маленькая капелька хороших духов побывала сегодня на коже возле копчика, и у основания ступни. Ни один мужчина не должен понимать, откуда точно исходит прекрасный аромат его женщины. Через час вернется сын из садика, и она переоденется в домашнее платье с длинными рукавами. А если Константин, отказав ей в любви сейчас, станет щипать и похлопывать её по аппетитной попке в то время, как Максим играет в солдатики в соседней комнате, Яна строго даст понять своему мужчине, чтобы он вёл себя прилично и придерживал лошадей до следующего удобного раза. Правильные отказы разжигают мужей.

Еще месяц, и Яне исполнится тридцать четыре, она хорошо знает, что выглядит моложе, и чего ей стоит добиваться этого каждый день. Лицо худенькое, макияж всегда аккуратный, самоуверенная линия тонких губ, прямой носик, внимательный придирчивый взгляд. Прямые волосы, подстриженные по прямой, и сейчас она чаще всего собирает их в обыкновенный хвостик. Это подчеркивает густоту волос и позволяет рассмотреть ее красивую шею. Притязания в еде нулевые. Когда долго удерживаешь себя от сладкого, соленого, жирного, полужирного, копченого и жареного, то в итоге организм забывает, что на свете существует удовольствие от вкуса. Остается лишь «хочу есть» и «не хочу есть».

Дома чисто, все вещи на своих местах, тапочки выставлены по линейке, еда в холодильнике, свежий суп на плите. Сын Максим после «трудового дня» ворвется в квартиру маленьким вихрем, расскажет всякую всячину, и станет прихлебывать горячий бульон отцовской ложкой в чистоте, ни на что не отвлекаясь.

Приготовления к урокам следующего понедельника она закончила ещё до обеда, когда приехала с работы: папки, тетради и флешки уложены в толстый кожаный портфель, который замечательно смотрится вместе с её элегантными комплектами офисной одежды.

Телефон завибрировал и выдал печальный припев *per te*. Яна поспешила в гостиную.

– Да?

Приятный голос завуча Евы Ивановны, её ритмичный выговор, всегда такой приятный, сегодня очень раздражал Яну.

– ...сделаем по новому образцу основные предметы. И уже в январе предоставим возможность осваивать курсы дистанционно. – Закончила Ева Ивановна.

– Я поняла вас. – Ответила Яна, кисло скривив губы. – Но завтра у меня не получается весь день провести в школе.

– О нет. – Поспешила заверить молодая завуч. – Мы отрываем вас и других педагогов от отдыха главным образом затем, чтобы наметить план работы и скоординировать действия. В понедельник на педагогическом совете я доложу основные пункты. И завтра нам нужно собраться вместе, чтобы выработать общий план.

Ева Ивановна совсем недавно была назначена на место завуча, поэтому её речь отличалась некоторым доброжелательным многословием. Наблюдательная Яна понимала, что пройдет пара лет, и голос завуча окрепнет, а её распоряжения станут похожи на приказы.

– Конечно обсудим, Ева Ивановна. – Мило ответила Яна.

Они вежливо распрощались, и рука Яны Александровны потянулась к забытой на диване розовой толстовке. Мысли о работе вызвали в ней непереносимое желание одеться.

Она вернулась на кухню.

– Что ты читаешь сейчас? – спросил Костя, наклонился и чмокнул жену в макушку. Она так живописно присела на высокий табурет своей кругленькой попкой. Ему не было интересно вести интеллигентские разговоры утром, это время суток предназначено для серьезных муж-

ских дел, приносящих дивиденды. Но раз уж так вышло, что приходится долечивать ангину, отчего не поговорить.

– Ветхий Завет, – не сдержала язвительности Яна, от шеи до пупка пробежала ледяная волна. – Он хорошо помогает от злости.

– Прекрати думать об этом, – повысил голос Костя. – Я переговорил с отцом. Он сказал, что если этот подонок вернется, кое-какие люди сделают ему больно. Мы слишком долго терпели.

– Интересно, сам подонок знает об этом? – тихо пробормотала Яна.

– Хватит вспоминать, – нетерпеливо буркнул Константин. Он подумал, что следовало все-таки съездить в офис, целый час наедине с женой – пытка. Она, конечно, куколка, но десять лет совместной жизни берут свое. Самые прекрасные женщины, увы, приедаются. Жизнь так устроена. Константин с удовольствием заметил свое отражение на чистой поверхности холодильника.

– Твоя бы воля, ты бы еще ему денег отдал, – проворчала Яна. – Я, конечно, не внучка полицейского начальника, но твердо уверена, что никогда не нужно платить шатнажисту за страх. Нам следовало с самого начала обратиться в органы.

Костя недовольно пробормотал что-то, отошел в дальний угол просторной кухни и налил себе чашку кофе, давая понять, что разговор окончен. Красивый высокий Костя, который вызывал сладостные женские вздохи даже тогда, когда корпел за компьютером в очках на кончике носа, был, как ни странно, спутником Яны вот уже десять лет! Любопытных соседей, хороших знакомых, завистливых коллег с работы удивлял их мезальянс: худенькая, метр шестьдесят (с кепкой) женщина из простой семьи, с тонкими ножками и детским личиком отхватила себе такого видного мужчину. «Любовь зла» – улыбалась про себя Яна. Она удержалась в качестве жены самого Константина Заляхова именно потому, что не слишком долго витала в облаках после того, как они съехались. Скучные трудные месяцы изучения недостатков и привычек мужа, пристальное внимание ко взаимосвязям со свекром и свекровью, и труд по отладке под себя всего этого хозяйства обернулись теперь для нее спокойной сытой жизнью. Если бы ни шантажист Сергей...

– Можно я возьму твою машину? – спросила Яна мягко. – Моя припаркована неудобно.

– Бери, – ответил Костя, не отрывая глаз от газеты.

«Идеальный самец не доволен, значит мне следует ехать на своей», – поняла Яна.

Она наклонилась, нежно поцеловала его шею у воротника, провела пальчиком по мочке уха, и ушла. После этих маленьких уловок она не сомневалась, что он станет приставать к ней сегодня вечером. Хорошо, не стал приставать сразу, измял бы всю укладку.

– Знаешь, детка, – остановил ее муж у самого выхода. – Мне, вероятно, завтра придется лететь в Краснодар. Степа очень наседает.

«Враньё, конечно», – быстро поняла Яна, но мягко улыбнулась, и изящно прикоснулась губами к его щеке.

– Дорогой, ты же знаешь, как я всегда скучаю без тебя.

Шестой год за рулем. Дорога до детского сада знакома ей до кочки. Супермаркет и прачечная совсем рядом, это так облегчает жизнь. Машину пришлось оставить на обочине, парковка забита до отказа, и даже возле грязного мусорного бака поставили новенький белый Фольксваген.

В прачечной пришлось немного подождать. Забавно, что большие пыльные окна помещения химчистки выходили как раз на двор детского сада. Максим, наверное, давно ее ждет.

Яна заглянула в окно, присмотрелась немного, и оцепенела от страха. У самой изгороди садика, прижавшись щеками к прутьям, стоял ее шестилетний сынишка, а рядом... У Яны была блестящая память на лица – и в анфас, и в профиль, и даже первых своих учеников спустя

годы, она узнавала без труда. И вот сейчас она стоит, смотрит, как ее сын болтает увлеченно с... шантажистом Сергеем, и даже берет у него что-то из рук. Она смотрела и пила свой страх полными глотками, захлёбываясь и обливаясь. Ее трясло мелкой дрожью, и она не могла понять, куда бежать за помощью. В полиции им давно разъяснили, что нет состава преступления там, где нет доказательств. А у Яны их не было, и нет. Руки онемели, ноги как ватные. Каждую секунду, пока ее враг Сергей разговаривал с ее сыном, из Яны тихо выливается жизнь. Она... должна... его уничтожить. Даже если придется подохнуть, вцепившись зубами ему в глотку.

Не помня себя, она вышла из прачечной, спустилась по обшарпанной лестнице. Отмеряя одиннадцать одинаковых шагов по заваленному старой рухлядью холлу, Яна неистово сжимала холодные пальцы в кулачки. И прежде, чем переступить порог здания, она принудила себя улыбнуться. Она знала, что вышло омерзительно, но, пока никто не видит, Яна продолжала растягивать губы еще и еще. Так, что через полминуты плечи дернулись от мрачного конвульсивного смеха. Но там, в горле и где-то в груди было смертельно больно.

На улице так тепло и солнечно, словно зло и преступления не имеют места среди этих золотисто-голубых пейзажей, составленных из открытого чистого неба, задорного птичьего щебета и густых многослойных прядей желтеющей листвы. Прогретый воздух приятно ласкал озябшие руки Яны. Ноги сами шли прямо вперед.

– Привет, – произнесла она в спину Сергея. Вышло непринужденно.

– Привет, – он обернулся, чересчур резко. Он не понимал, что она знает его уже больше года, и слышала все аудиозаписи с его угрозами, и даже подглядывала во время одной из передач денег.

– Кто вы? – мило спросила Яна.

– Я Алексей Марков, ведущий специалист страховой компании «Гертруда».

Алексей из «Гертруды» был одним из кузенов Яны. Она заставила себя улыбнуться. Зверь подошел слишком близко.

– Очень приятно, а я мама этого сорванца, Яна Заляхова.

Яна строго посмотрела на сына и знаком отослала его в группу.

– Ух ты, – наигранно изумился Сергей. – Мы с вашим мужем Константином давно знакомы.

– Да, он много кого знает, – беспечно ответила Яна, шеей чувствуя недовольство противника.

– Кстати, – Сергей сделал вид, что внезапно вспомнил важное. – Мне необходимо передать вашему супругу некоторые бумаги.

– Простите, Алексей, у вас это не получится, – возразила Яна. – Он улетел в Краснодар.

– Какая жалость, – вздохнул вымогатель. – Мне в приказном порядке велено сдать документы до выходных, а ваш муж очень хотел застраховаться у нас по специальной программе.

– Подъезжайте ко мне, – предложила Яна. – Завтра у меня рабочий день, после двух я освобождаюсь.

– Двадцатое число, день авансовых платежей, – будто невзначай бросил Сергей.

– Точно же, – растянула губы в улыбке Яна. – До завтра.

– Позвольте, я провожу вас, – мягко заговорил Сергей.

– Не стоит, – ответила Яна кратко.

– Безо всякой лести, – продолжал навязчивый Сергей. – У вас отличный парнишка. У меня тоже сын.

– О! – наигранно мило всплеснула руками Яна. – Я срочно должна ехать. Прощайте, Сергей.

Яна развернулась и направилась к своей машине. Она не станет забирать сына в присутствии этого человека. Садик охраняется, так что у нее есть как минимум час. Яна заблокировала двери своего форда, и набрала номер воспитательницы.

– Ольга Николаевна, это мама Максима Заляхова. Сегодня я немного задержусь. Буду через сорок минут. Ребенка заберу именно я. Хорошо.

Яна выдохнула и тупо посмотрела на свой телефон. Чересчур сильно сжала пальцами переносицу, затем опустила руки в паническом расслаблении, но закусила губы, и решительно ухватилась за руль.

Через 10 минут она подъехала к корпусу технологического факультета местного института. Почему именно сюда? Здесь она начинала учиться прежде, чем перевелась на физико-математический. И, конечно, она помнит здесь каждый угол. Обернулась несколько раз. Никто не преследовал ее. На стоянке пусто. Кто знает, может быть, она перестраховалась? Яна дождала еще. Мимо прошли две женщины среднего возраста. Сумрачный зам. декана уехал куда-то на своей Калине.

Яна вышла, сделала несколько шагов по улице. Колени дрожали. Это неудобное короткое шерстяное платье, в котором она похожа на малолетку, давно следовало отдать на благотворительность. Делать нечего, пришлось выпрямиться и поднять подбородок. Гордая пигалица – это лучше, чем понурая пигалица. Первые двадцать шагов потные ступни так и стремились выскользнуть из туфель. На двадцать первом она споткнулась и чуть не полетела на колени. «Не важно – иди дальше».

Сейчас она дойдет до парадного входа, поднимется по лестнице, войдет, и мило кивнет знакомой вахтерше, дойдет до туалета, позвонит Альберту, вернется обратно, и забирать Макса она будет уже не одна.

В женском туалете было сыро и холодно. Табачный дым вонючей копотью оседал в горле, на волосах и на одежде.

– Я буду дрыхнуть сегодня весь день, – раздался в трубке хриплый голос Альберта.

– Пожалуйста, скажи, что ты в городе! Двадцать минут назад шантажист Сергей разговаривал с моим Максом у загородки в детском саду, – выпалила Яна.

Альберт был начальником уголовного розыска области, и Яна категорически не любила его беспокоить. Они учились в одном классе, и умудрились даже переспать разок, после чего Альберт сказал, что не позволит больше ни одной брюнетке нарушать его целомудрие. Яне тоже не понравилось. Они могли бы чаще общаться, но Альберт вскоре женился и его супруга (натуральная блондинка, между прочим) оказалась ревнивой как африканский крокодил.

– Тебя еще не доконала эта тягомотина? Неужели твой Костя не может с этим разобрататься? – вздохнул Альберт. – Ладно, сейчас Лёха подъедет к детскому саду.

Послышались короткие гудки.

Яна прислонилась спиной к грязной холодной стене женского туалета. Отзвуки слов Альберта таяли в воздухе, и на душу спускалось ласковое пресное безразличие. Если взялась защищаться, она доведет это до конца. Хотя бы все оказалось миражом. И пусть Альберт потом всем рассказывает про свою умалишенную одноклассницу. Ничего. Главное, не дать всей этой криминальной гнили стать частью ее жизни.

Яна напряглась и стиснула зубы. С нее хватит шантажа и угроз.

На секунду закрыла глаза. Потом резко отстранилась от стены, решительно шагнула вперед, и, вздрогнув, отшатнулась. Перед ней стоял Сергей. Мрачный, без тени наигранной приветливости.

– Кому звонила?

– Да пошел ты.

Он шагнул вперед, его рука сдавила ее горло. Крикнуть стало невозможно, дыхание затруднилось. Приложив Яну спиной о стену, Сергей уверенно сжимал её горло. Второй рукой он быстро шарил в кармане.

Не помня себя, Яна импульсивно вытащила из сумки нож с широким лезвием, и через секунду он по рукоять ушел в бок шантажиста. Яна колола от себя и вверх, не понимая, что тво-

рит. Мужчина зарычал, теряя контроль над ситуацией. Чувствуя ослабление хватки на своём горле, Яна как безумная прижала обе руки к себе, согнулась и лбом со всей силы толкнула Сергея в живот. Он должен был упасть спиной на раковину для мытья рук, она услышала характерный звук, стон, но это она вспомнит позже – в тот момент окружающая действительность обступила Яну серой стеной ряби. Руки дрожали так, что она не сразу попала пальцами в дверную ручку. Выбросившись из туалета, кинулась по коридору в сторону холла. Вахтерши нет. На улице ослепительное солнце заставило ее остановиться. Пусто. Парочка студентов вдалеке. На газоне разлёгся кот. По дороге снуют машины. Яна сделала шаг. Полиция должна была это видеть! Почему её не арестовывают?! Почему нет полицейских сирен?!

Ноги кривь и вкось ступали по разбитой асфальтовой дорожке. В груди колотилось так, словно вместо сердца установили дренажный насос. В ушах, на шее, в голове больно пульсировала кровь. Моральное опьянение и горькое чувство вины горели в ней ожогом. Едва удерживая сумку, которая сделалась невероятно тяжелой, Яна беспрепятственно подошла к своей машине. Мимо прошла группа молодых людей. Они громко беседовали и смеялись. По главной дороге промчалась машина скорой помощи, сигналами оповещая мир о том, что кто-то будет обязательно спасён сегодня.

* * *

Не вполне владея собой, Яна Александровна минуту за минутой сидела в салоне своей машины, крепко сцепив руки в безнадежной попытке согреть ледяные пальцы. Её трясло и судорогой сводило ноги. Ум отказывался обрабатывать ту информацию, которую надёжно сохранила память. Её убивали... Её только что убивал этот страшный человек! Она не в состоянии была дотянуться до ключа зажигания. Кисти рук онемели. Словно протезом она пошевелила правой рукой. На ней не было крови. Только на платье. Небольшая бурая капля. Она содрогнулась всем телом и открыла рот не в состоянии издавать звуки. В ужасе она тянула ткань платья прочь, отстраняя от кожи. Швы трещали, но держались.

Через голову. Скорее! Скорее! Она потащила его через голову. Что-то лопнуло. И порвалось. Яна ткнулась лбом в руль. В одном бюстгальтере немисливо вести машину через весь город.

Под задним сиденьем нашелся старый коричневый свитер, забытый после выходных на даче.

Пришлось разминать правую руку – сустав заболел от напряжения. Сумка стала такой легкой! Этот ужасный нож... Она так и не выложила его. Два года он ездил с ней на работу, совершая весь ее путь туда и обратно. Ни разу не обрезавшись, она постоянно ощупывала крепкую широкую рукоять, лезвие, такое холодное иногда... Почему она так и не нашла времени купить перцовый баллончик? Яна посмотрела на свое жалкое отражение в зеркале заднего вида. Может быть, сейчас выйдет из-за кустов разъяренный Сергей и зарежет ее в ответ? Прошли минуты, но она почему-то твердо знала, что он, этот страшный человек, заканчивает свою жизнь сейчас. И это не вызывало в ней эмоций.

Когда он только начал их преследовать, первое что пришло в голову – положить нож в сумку, чтобы защитить сына и мужа, если что... Как медленно и как быстро прошли эти два ужасных года.

* * *

– Мам, отвези меня к бабушке, – ныл Максим по дороге домой. – Завтра в садике дурацкий день бега. Ты же знаешь, я ненавижу бегать для зрителей.

– Ты же играешь в футбол с папой во дворе, – выдавила из себя Яна. – Любой житель нашего дома может посмотреть на это.

Яну тошнило, голова кружилась и болела, она остановила свой форд возле магазина.

– Купи минеральной воды, – попросила сына.

– Ну, мам, – протянул Максим. – Как насчет завтра?

– Ладно, поедem к деду, – еле слышно отозвалась Яна. В висках ухало так, что сложно было говорить.

* * *

Домой Яна возвращалась одна. Сын с радостью остался у свёкра.

На улице совершенно стемнело. Старые тусклые фонари светили не везде.

У подъезда как обычно чисто и хорошо освещено. Еще бы, в их доме содержит рабочие квартиры половина администрации города. Лифт всегда работает. Швейцар опрятно одет.

Не в силах распрямить плечи, Яна робко переступила порог квартиры. В темноте коридор показался грязной траншеей. Наверное, Костя все знает и напряженно ждет ее для серьезных объяснений. Казалось, весь город обсуждает всё произошедшее в мельчайших подробностях.

– Привет, – сказала она в пустоту. Вышло очень тихо и немного сипло.

– Привет, – повторила она.

Раздался шорох из второй спальни. Константин часто уносил туда ноутбук и работал по вечерам, чтобы голоса жены и сына не отвлекали его. Это была самая дальняя комната, и если закрыть немецкую звукоизолирующую дверь, там ничего не будет слышно. Поэтому в некоторые из будних дней Яне казалось, что муж ночует на работе, когда как он находился в нескольких метрах, через стену.

Послышались тяжелые шаги.

– Мама недовольна, что ты привезла им Макса без предупреждения.

– Прости, – ответила Яна вяло. Стараясь не смотреть в глаза мужа, она аккуратно поставила свои ботинки на обувную полку.

– Ты даже не спросила, как она себя чувствует сегодня, и какие у нее планы на завтрашнее утро, – продолжал Костя.

– Свекор сказал, что я могу оставить Максима хоть на неделю, – ответила Яна смелее. Она решила посмотреть на супруга.

Он выглядел вполне обычно.

– Ты же знаешь, – раздраженно заговорил Костя. – Отец не чувствует всех тонкостей. Он рассуждает проще. Татьяна Анатольевна требует особого отношения.

Яна как обычно, не стала озвучивать, что она думает насчет особого отношения к капризам женщины шестидесяти девяти лет.

– Хочешь, я позвоню ей? – примирительно проговорила она.

– Будь любезна.

Яна прошла на кухню, и, не зажигая света, вымыла руки ледяной водой. Умылась несколько раз, и в оцепенении оперлась на раковину.

Как во сне она набрала номер свекрови. Извинилась, и попросила уважаемую Татьяну Анатольевну поделиться планами на завтрашнее утро.

– Я заеду за Максимом завтра утром в любое время, – без эмоций сказала Яна, и тут же услышала в трубке приглушенное ворчанье свекра.

– Нет-нет, моя дорогая, – поспешно отозвалась свекровь. – Мы прекрасно проведем выходные.

– Максим будет очень рад, – ответила Яна честно. – Я обязательно позвоню завтра. И если понадобится что-то, говорите мне об этом в любое время.

– Спокойной ночи, – отозвалась свекровь.

«Значит, раньше 10 утра завтра не звонить» – поняла Яна.

– Спокойной ночи, Татьяна Анатольевна.

Яна медленно опустила на теплый кухонный пол. В полутьме ее ноги и руки выглядели, словно гнилые коряги старого дерева. Перед глазами отчетливо предстало искаженное злобой лицо шантажиста Сергея. Почему он топтал грешную землю именно под этим именем? Почему не назвался Яном? Тогда бы она могла догадаться, что вонзая нож в его туловище, вонзила

точно такой же и в своё. Ей было так больно, словно в левой руке порвался важный сосуд, и она непременно должна будет умереть от внутреннего кровотечения в самое ближайшее время.

Яна неистово зажмурилась, но это не помогало избавиться от памяти об искажённом злом лице. Она понуро опустила голову и послушала тишину, элегантно разбавленную хлопками подъездной двери и мерным гулом машин с дороги, слышимым через открытую форточку. Тёплый ветер с улицы шевелит тонкие занавеси. Яна ещё раз потёрла ладонь о ладонь и набрала чей-то номер.

– Добрый вечер, дорогуша.

– Мама, привет, – ответила Яна.

– У нас все хорошо. Папа на рыбалке выловил двух щучек.

– Ух, ты!

– Я уже приготовила их со сметаной.

– У нас тоже все хорошо, – сказала Яна.

– Передавай Константину привет от нас. Приезжайте в гости, как только у Максима начнутся каникулы.

– В нашем садике не делают каникулы.

– Ну, хорошо, как соберетесь, предупреди. Пока.

– Пока, мам.

Мучительно желая забыться, она поднялась. В квартире снова тихо. Неужели Костя забыл, что она дома? Обычно он вел себя иначе, когда они оставались в квартире вдвоем. Яна отмеряла шаги по коридору и чувствовала себя совершенно разбитой. Толкнула дверь кабинета рукой.

Картинно красивый Костя мирно спал на широком диване, темная прядь упала на лоб, и его ровное тихое дыхание говорило о том, что ей не стоит его будить.

Пошатываясь, она пошла обратно. Не раздеваясь, забралась под грубый плед на тахте и после двух часов несурзных пугающих воспоминаний, забылась тяжелым прерывистым сном.

– Маленькая царевна Уля так устала брести по лесу, что совсем отчаялась найти дорогу. Вдруг прямо перед ней возникла узкая лесная тропа. Добрая царевна пошла по волшебной тропинке, и через несколько минут оказалась на широкой приветливой поляне, заросшей мальвой, земляникой и васильками. Впереди блеснул большой овал лесного озера. Старый Мудрый Ежик жил здесь вот уже двадцать лет. Усталая и голодная Уля присела на берегу заколдованного озера, и огляделась. Мимо плыла утка с утятам. Разноцветный селезень с блестящими перышками был последним в их цепочке. Одинокая Уля окликнула уток, и попросила их подтолкнуть к ней лодочку с противоположного берега. Но дикие утки ее даже слушать не стали, не стоило ей кидать в них камешки на поле, – прочел Гаврила Сергеевич, и обернулся на маленькую внучку. Она так серьезно, с таким вниманием слушала сказку, что он поневоле ощущал себя важным. Такая маленькая, с шарфом на шее, от её ночной рубашки пахнет согревающей мазью. На табуретке неподалёку от них спрей с морской водой для промывания носа.

Гаврила Сергеевич улыбнулся и тут же вздрогнул от болевого импульса в груди. Приступообразная боль, острая неожиданная необъяснимая – это что-то новое, вчерашняя тренировка со штангой была лишней? Но что плохого, если трёх раз на тренажёрах ему не хватает? Сердце его не беспокоило никогда. Что это ещё за неожиданная дряхлость?

Через полчаса на подоконнике навязчиво заурчал телефон. Гаврила Сергеевич отрицательно относился к предчувствиям – если на роду написано, то и предчувствовать нечего, не поможет – но сегодня его необъяснимо раздражала возможность говорить по телефону.

– Подожди-ка, принцесса, – поднялся он с неохотой. – Да? Где найден?! Кем? – Помолчал. Продолжал тише. – Приеду только завтра утром. Сегодня занят.

– Деда, почитай! Деда, почитай! – запиликала Галя. – Д-е-е-е-да! Почита-а-а-а-й!

– Д... Да, принцесса.

Гаврила Сергеевич остановился посреди комнаты, и несколько минут не мог сообразить, что для чтения ему следует снова присесть на диван и взять в руки книгу.

В шесть утра Яну разбудил навязчивый телефонный звонок из недр сумки, валявшейся возле холодильника – неслыханный акт вандализма.

– Да, – разлепила губы Яна.

– Бодрое утро, – насмешливо и мрачно выговорил Альберт. – Одевайся и спускайся к подъезду с вещами.

– Альберт, это глупая шутка, – выговорила Яна, и тут же поledenела, вспомнив происшедшее одиннадцать часов назад.

– Просто поговорим у меня в машине. Только ты и я, – настаивал Альберт. – Костя в бинокль может посмотреть.

– Я иду, – отозвалась Яна.

Со стороны второй гостиной не доносилось ни единого звука. Муж давно привык, что школьное начальство звонило Яне и рано утром, и поздно вечером. Костя нервничал вчера, значит, устал или на работе снова насаждают с квалификацией персонала.

Яне не нужно было одеваться, она лишь почистила зубы и немного причесалась.

– С недобрый утром тебя, – буркнул Альберт, потирая мятую щеку. Вероятно, минут сорок назад он нежился в теплой постели, чвакая губами на горячем плечике жены.

– Что успело случиться? – безжизненно спросила Яна.

– А, ну да, – встрепенулся он, и повернулся лицом к собеседнице. – У меня так-то выходной сегодня. Звонит Петрович час назад. Двойное убийство в институте.

– Двойное? – переспросила Яна изумленно.

– Значит, на одинарное ты согласна? – Хитро прищурился Альберт.

– Я жажду подробностей, – сухо отозвалась Яна, прислонилась лбом к стеклу.

Присутствие задиристого Альберта совершенно неожиданным образом подбодрило ее. Его живая хваткая манера была очень вовремя сейчас.

– Я только что с места преступления, поэтому расскажу как очевидец, – начал Альберт профессиональным тоном. – Некто Сергей Ш... найден мертвым в женском туалете технологического факультета. Лужа крови. В правой руке у убитого найден нож, которым минут за двадцать до смерти Ш... была убита сторожиха того же факультета. Другой рукой убитый хватался за нож, которым его прикончили.

Яна почувствовала приступ тошноты.

– Человек, зарезавший Ш..., был ниже среднего роста. И этот неизвестный мститель, – Альберт в упор посмотрел на Яну. – Сам рисковал пасть жертвой вчера.

– Можешь надеть на меня наручники, – ответила Яна стараясь говорить уверенно. – С этим хреново жить.

– Я бы с радостью, – отозвался Альберт. – Но я с возрастом стал таким чувствительным. Жаль сажать женщину, которая покончила с... В общем, он поставлял мальчиков педофилам и так далее.

Яна вздрогнула, у нее закружилась голова. Она повалилась на широкую спинку автомобильного кресла. Альберт равнодушно глянул исподлобья.

– Все бы ничего, и через какое-то время я закрыл бы это дело. Но, видишь ли, родной дядя этого п... пострадавшего не кто иной как прокурор области. И он имеет полное право самостоятельно вести дело. Здесь он может все.

– Плевать, – отозвалась Яна безжизненно.

– Этот человек выпотрошит тебя за несколько часов. Я был помощником одного из его людей когда-то, – заговорил Альберт чуть теплее. – Можешь сразу признаться. (Пауза) Но имей в виду, твоему мужу и сыну придется очень далеко переехать в случае твоей явки с повинной.

– Я бы и не приехал, – продолжал он через минуту. – Но у нас нет против тебя не единой зацепки. Камера наблюдения в тот вечер глюкнула. Думаю, это произошло неслучайно. Никто никого не видел. Даже на ноже, торчащем в боку убитого (Яна зажмурилась ещё крепче) только его отпечатки. Скажу больше, не позвони ты мне вчера насчет детского садика, я и не подумал бы шевелиться по этому поводу.

– Я звонила из того самого туалета, – хрипло ответила Яна, по ее вискам стекали холодные струйки пота.

Двумя недрогнувшими пальцами Альберт сомкнул губы Яны.

– Вы бабы народ изворотливый, – сказал он иронично. – Постарайся, потерпи ради своих мужиков. Просто смешайся с толпой. Поняла?

– Альберт, я...

– Все, вали отсюда. А то еще люди подумают чего. Вот, мне еще ребенка в школу везти.

Прежде чем вернуться в квартиру, Яна неторопливо обошла вокруг дома несколько раз. Холодный неподвижный утренний воздух привел ее в чувства настолько, насколько это было возможно. На улице, да еще утром, течение самой жизни становится наиболее естественным.

Она неохотно достала из кармана ключи, и безо всякого удовольствия ощутила на щеках теплый воздух внутри подъезда. Восьмой этаж, и дверь квартиры на расстоянии вытянутой руки. Она бы закусила губы или до боли сжала кулаки, но силы девались куда-то. И она просто повернула ключ и толкнула дверь руками.

– Вместо того, чтобы так часто кидать деньги на телефон, купила бы лучше хлеба, – недовольно заговорил Костя с булавкой в зубах.

– У меня левая брючина отклеилась, – продолжал он, потирая заспанное лицо.

– Отклеилась от чего? – не поняла Яна.

– Они приклеивают их, когда подгибают, понимаешь? – проговорил он с чувством. – Портнихи подклеивают концы брюк.

Яна поняла, что муж не успел почистить зубы. Константин тоже это понял, и исчез за дверью ванной.

Оказавшись в кресле с иголкой и брюками в руках, Яна подумала, что стоит на самом краю обрывистого берега. И либо она прыгнет, либо упадет, иначе и быть не может, когда зайдешь так далеко... Осталась смутная надежда на то, что внизу вода – она лучше камней.

– На неделю в Краснодар лечу, – сообщил Яне муж, наскоро проглатывая булочку с сыром.

– Когда самолет?

– Через час, – Костя поднялся из-за стола.

– Ты бросишь меня уже сегодня?

– Стой. Ты ведь не собираешься устраивать истерик по поводу того, что надоевший любовник исчезнет на неделю, и оставит тебе немного денег? Я рассчитываю застать свою жену еще более красивой, чем обычно.

Он поцеловал ее в лоб, и принялся обуваться. Слова не помогут, Костя настроился ехать еще вчера. Говорить с ним сейчас не имеет смысла. Бестактно вызывать раздражение партнера перед самым отъездом.

При других обстоятельствах Яна обрадовалась бы возможности обновить гардероб, сделать генеральную уборку, встретиться с подругами, поспать лишний раз в обеденное время. Но сейчас многое сломано одним махом, внутри очень болит, ей стало вдруг не до всего. А теперь *ее Костя* хочет оставить ее, он не чувствует, он не заметил...

– Я буду сильно скучать по тебе, – сказала Яна требуемое. Голос не подвел. Получилось в меру грустно.

Он захлопнул за собой дверь, а она прикоснулась щекой к стене. Должны были появиться слезы – не появились, на душе сухо и твёрдо. Там, за толстой входной дверью, слышались звуки лифта. Кабина опустилась – клац – снова поднялась. Вот хлопок соседской двери. Пара женских каблучков яростно барабанит над головой – Лидия Игоревна с девятого этажа собирается на работу. Живая женщина; чужая ей соседка. Красивая дочь Лидии Игоревны спокойно уведет Костю из семьи, если Яна совершит промах. Сейчас так понятно, что Константин Заляхов не создан для милосердия. Неужели он не обернется, не поддержит хоть словом?..

Следовало заставить себя как-то жить, но глаза сами собой закрылись, и Яна опустилась на колени. Жизнь, обставленная с таким старанием, полиняла и скомкалась после неудачной стирки на режиме кипячения.

Яну Александровну покинула всегдашняя въедливая тревожность. Кого бояться, если сама совершила преступление? У кого искать понимания убийце?!

Отмечая неудобство головной боли, Яна потёрла виски и отстранилась от косяка, бесцельно сделала несколько шагов по квартире. Потрогала идеально расправленные занавески, наступила на рубашку Кости, подняла ее, скомкала, бросила в кресло, промахнулась. Лишённая желаний и надежды на сочувствие, учительница понурила худенькие плечи, пришла беззвучно в спальню сына, легла на пол лицом вниз. Она ощутила себя погребённой. Свет смысла и сила воли покинули её. Незачем стало двигаться дальше.

Глава 2

Яна перевернулась на спину, глянула на потолок, и поднялась. По-прежнему суббота... Вчера ей довелось совершить то, о чем язык отказывается говорить, а мысли взлетают и мечутся как утки от грома ружейных выстрелов.

Пришлось до крови себя ущипнуть, чтобы вспомнить о том, что начать день все-таки придется.

Душ освежил кожу. И вот сейчас, собранная, уместно покрашенная Яна должна приехать на работу к десяти. Едва приблизилась половина восьмого, она заспешила на улицу. В квартире убрано все, что попало под руку. В чистом холодильнике почти не нашлось яиц. Кончилась минеральная вода. Вместо завтрака Яна переделалась, второй раз почистила зубы, и отправилась по магазинам. Находиться в одиночестве стало невыносимо. Хуже этого могла быть только навязчивая болтовня в учительской. Женское общество утомляет иной раз даже женщин. У Яны по-прежнему болит голова, ноги отказываются быстро идти. Гражданский муж уехал всего час назад. В висках давит уже не так сильно, но тело как чужое.

Безусловно, следует заставить себя жить – это только ради Максима. Она беспощадно выпроводила себя на улицу, начиная делать заурядные вещи, тем самым привела в движение то, что снаружи, и по инерции должно было заработать внутреннее.

Сосредоточенная на собственном имидже успешной и правильной женщины, Яна Александровна крайне редко испытывать радость раскрепощения и положительные эмоции от покупок. Поэтому не было ничего удивительного, что от вида бескрайних пещер супермаркетов её охватывало чувство безнадёжности. Но сегодня удобнее было зайти именно в большой местный магазин, и Яна безвольно прошла в ярко освещённые недра высокого длинного здания. Бесконечные полки, уставленные всевозможными товарами, блестящие этикетки, пирамидкой сложенные коробочки с зубной пастой, килограммы и литры стиральных средств, колонны посуды, пестрые ряды цветочных горшков. Зазывные разноцветные ценники отбивают желание покупать что-либо вообще. Самое начало торгового дня. Покупателей нет. Между высоких переполненных стеллажей слоняется ленивый консультант в красной форменной телогрейке. Безвольно пробегая глазами нависающее с обеих сторон пёстрое разнообразие, Яна неспешно шагала, пробираясь все дальше и дальше, когда ее внимание привлек шум возле овощного прилавка.

Крепкий стройный мужчина средних лет спорил о чем-то с высокой молоденькой продавщицей. Судя по выражению лица, рослая, не вполне уверенная в себе девушка похожая на молодое деревце, устроилась на работу совсем недавно, и для нее подобная ситуация была внове. Бледная и напряженная, она изо всех сил защищала честь магазина, сама не зная для чего. Глаза ее бегали, на шее выступали красные пятна.

– Вы продали мне несвежее пиво, – громко возмутился мужчина, размахивая бутылкой словно дирижерской палочкой.

Чувствуя лёгкую щекотку праздного любопытства, Яна сбавила шаг, двигаясь прямо в сторону спорщиков. В обычном спокойном состоянии духа Яна ненавидела ор, и громкие звуки в принципе, но сейчас у неё возникло болезненное желание забыть о себе. И несложная проблема этой худенькой товароведки казалась просто смешной в сравнении с тем, что совесть начинающей продавщицы чиста. Перед ней, этой рослой тетёхой, совершенно трезвый, хотя и порядком небритый покупатель, перед которым просто напросто следовало извиниться. Можно было бы мягко напомнить ему о том, что спиртные напитки не принято открывать и распивать прямо в магазине. И только! Ещё вернее пустить горькую женскую слезу, и от злобы этого человека не останется и следа. Мужчины с чистыми волосами обычно не пьют пиво часто. Крикливому покупателю должно быть около пятидесяти, может быть, чуть больше, по край-

ней мере, выражение лица весит именно на столько, но живот плоский и хорошая осанка сбивают с толка. Тренировочные штаны, светлая рубашка чистая, мятая. Яна ощутила на кончиках своих пальцев, что если она дотронется рукой до его шеи, то кожа на будет именно такой как она хотела бы... Но он посторонний. Дура ты, что ли? Он прохожий просто. Чужой! Вот для учителя на родительском собрании это опасный тип – много знает, много читает, и, как правило, не согласен с требованиями системы образования. Очень редко, но Яне доводилось встречать таких людей. Сейчас поворчит еще пару минут и уйдёт. Его едва ли слишком интересует выпивка. Ах да, это же не пиво, а итальянский чай. Как его? «Пиноккиоти». Глупо и пошло стилизовать зеленый чай под пиво, но именно от этого абсурда напитков в моде у всех сразу.

Всё, хватит пялиться на посторонних людей! Подобравшись, набрасывая на плечи спасительный педагогический профессионализм, Яна прибавила шагу и двинулась правее, чтобы обойти прилавок с оборотной стороны, но разгоряченный незнакомец резко махнул рукой, что-то объясняя, и светлая наполовину застегнутая ветровка Яны оказалось мокрой. Прохладные струйки потекли и по колготкам, пропитали тонкую ткань вплоть до туфель. Она растерянно посмотрела себе на грудь, и почувствовала, что ее бюстгальтер можно отжимать.

Мужчина обернулся и замолчал. Его бутылка была пуста. Чайный напиток впитывался в одежду обескураженной Яны. Она подняла глаза больше удивленная тем, что при выходе из квартиры хотела надеть на себя джинсы и кардиган, а надела платье с курткой, у неё даже губы дёрнулись от возмущения. Но слова не шли на ум. Мужчина внимательно скользил по её лицу пристальными серыми глазами, и Яна подумала, что он выглядит очень хорошо, несмотря на отчётливые морщины возле глаз и на переносице. У неё не сразу получилось подавить в себе желание больно схватить его пальцами за щёки, потряхнуть и прижать к себе, промокнуть животом об живот – из гадостного чувства мести или... Разозлиться классическим образом не получилось.

– Откуда вы взялись? – проговорил он ровным сильным голосом, немного озадаченный её спокойствием.

– Пришла чайку просроченного купить, – ответила Яна, погруженная в ощущение мокрой ткани на коже, но сознание быстро выбросило ее в реальный ход событий. – А вы, когда приобретаете напитки с имбирем, будьте готовы к резкому привкусу.

– Уважаемый, вам необходимо заплатить за напиток. – Возник рядом с ними менеджер.

– Да, отличная идея! – Не удержалась Яна. – Тем более он сам его открыл и вылил на меня.

Седовласый незнакомец хмуро оглядел Яну ещё раз.

Смертельный яд учительского снобизма пропитал её на молекулярном уровне, как видно: привлекательный незнакомец надоед Яне Александровне так же внезапно, как и понравился. Развернулась и пошла прочь. Произносить лишние слова не хотелось. Долой отсюда. Она задержала дыхание, ей истерически захотелось смеяться.

Яна вышла на улицу, вернулась в квартиру, пришлось ополоснуть и замочить в пятновыводителе куртку. С чувствами близкими к удовольствию, она помассировала свою кожу горячими струйками душа. Строгая решимость вернулась к ней. Хулиганские искорки блеснули в карих жемчужинах её глаз. Одедась не думая, и с каким-то мрачным упорством снова отправилась за продуктами.

Эта история отвлекла ее лишь на пять минут. Пару дней назад она наверняка высказала бы свое возмущение этому наглецу с бутылкой. Вчерашнюю Яну позабавило бы замешательство строптивного незнакомца. Работая в школе, она многому научилась, в том числе, рассверливать ситуацию по своему усмотрению. Только не сегодня... Она уже не могла так. Она обожгла себе всю поверхность кожи.

Суетные болтливые люди вокруг, ругаются и мирятся, разговаривают или смеются, плачут или спешат на работу – они невинны в своих ошибках, они не перерубают жизнь друг друга, в основном только пакостят по мелочам.

Раздвижные автоматические двери супермаркета работали из рук вон плохо. Чему удивляться? В их районе большой поток людей отоваривается здесь вечерами. Изогнув брови в попытке придать лицу философское умиротворение, Яна взялась за ручку резервной двери, когда ее руку прижала большая теплая ладонь. Она вздрогнула и опасно обернулась. Перед ней снова возник высокий незнакомец в мятой рубашке.

– Извини меня, – сказал он медленно, и стало совершенно ясно, что он не привык к подобным ситуациям.

– Да, – зачем-то сказала Яна.

– Что да? – не понял мужчина. Сделал секундную паузу, потом нетерпеливо вздохнул. – Только не надо этого жертвенного взгляда, – продолжал он.

Яна очнулась, стряхнула его руку со своей.

– Вы прощены. Окончательно и бескорыстно. Могу я идти?

Мужчина оглядел ее и отошел немного. Выражение его глаз менялось очень быстро, и на мгновение ей показалось, что он уставился на нее со злобой.

«Просто странный», – отмахнулась она мысленно.

* * *

Долгое хождение за продуктами обернулось тем, что времени на дорогу осталось вприпык. Опаздывать на работу было не в ее правилах. Особенно сегодня. Ну, пожалуйста! И всё же на пять минут Яна Александровна опоздала. Оказывается, лёгкий саботаж отлично бодрит. Уверенная и строгая как наследная принцесса, математичка окинула взглядом подопечных, бесцельно болтающихся в коридоре – замороженные её уверенностью, шестой гэ двинулись следом. Она же, со скоростью квартирного воришки отпирая кабинет, автоматически отдавала детям привычные их слуху команды.

– Проходите. Готовьтесь. Тишина в классе! Дубровский, выйди из кабинета, ты учишься в девятом!

Яна Александровна сбросила на свой стул верхнюю одежду, и собранная и прямая, подобно офицеру на присяге, провела урок, беспощадно жонглируя смешанными числами и неправильными дробями. То она ударом молнии начертала название темы на доске, но вот уже проверка домашнего задания в разгаре, а следующие десять минут обе классные доски заняты каракулями четырёх отвечающих – четыре куска мела терзают доску белыми ранами вычислительных пыток.

Потревоженные звонком с урока, дети высыпались в коридор как арбузные семечки с тарелки. Опустошённая и обездоленная без присутствия людей Яна принялась апатично стирать надписи с доски.

У шестиклассников, покинувших сегодня кабинет математики Оладьевой Я.А. возникло послевкусие как от прослушивания композиции Вивальди, исполненной именитой скрипачкой прямо перед ними.

– Яна Александровна, Татьяна Николаевна заберёт у вас девятый вз со следующего урока. – С порога объявила Ева Ивановна. – У них профориентационная поездка. Говорят, новый центр развития получился грандиозным! Инициатива губернатора превзошла все ожидания.

– Да, конечно. – Кивнула Яна. – Тогда мне нужно будет пораньше уехать.

– Выходные. – Понимающе улыбнулась Ева Ивановна.

– Нет. – Покачала головой Яна. – У меня ещё подработка в институте. Там тоже любят ставить занятия по субботам.

Ева Ивановна вежливо улыбнулась и исчезла.

Возбуждение спало, яма апатии приняла Яну в свои сырые объятия. Так что не было воли проверять правильное положение оконных ручек, аккуратность стопок тетрадей оставленных в шкафу и то, насколько ровно стоят парты в ряду, но неискоренимые учительские инстинкты брали своё. Отделавшись от процедуры прощания с кабинетом, Яна поспешно схватила ключи, повернула ручку замка, перешагнула порог, заперла дверь, и вскоре оказалась на улице. Прыгнула в машину, а через тридцать семь минут парковалась на стоянке института.

В юго-западном углу широкого холла технологического факультета, возле входа в лекционную аудиторию, скучали четверо полицейских, в некотором отдалении проректор по воспитательной работе яростно жестикулировал, объясняя что-то, его было плохо видно из-за спины собеседника, высокого, классически подстриженного широкоплечего мужчины в темно-сером костюме хорошего качества. Кто она для них? Серая мышка. Проскользнула и спряталась.

– Яна Санна, – встретил ее на третьем этаже заведующий кафедрой математики Решетов.

Пришлось остановиться возле дверей преподавательской, и вопросительно посмотреть на него.

– У нас ЧП. В нашем учебном корпусе нашли двоих убитых людей. Здесь повсюду ходят полицейские, и некоторые из сотрудников возмущаются, что их допрашивают безо всяких оснований.

Решетов сделал паузу, подбирая слова. Он растянул губы и горестно причмокнул.

– В общем, Яна Санна, вы не против, чтобы вам задавал вопросы следователь?

– Мне нечего скрывать, – пожала плечами Яна. Очень легко говорить то, чего от тебя ждут.

– Ладненько, – облегченно вздохнул Решетов, вытирая о платок вспотевшие ладони. – Они ведь тоже на работе. В конце концов, хорошо, что с нашей кафедры нет отказников.

– Отказников? – не поняла Яна.

– Ну да, – пробормотал Решетов, пропуская Яну вперед. – Некоторые пытаются прикрыться письменным отказом. Мол, мы не присутствовали вчера на работе, почему с нас трясут. Но, поверьте мне, милочка, с прокуратурой лучше не играть. Здесь Сашкин с самого утра свои порядки заводит. Если уж он вцепился, считай дело в шляпе.

– Вы их уже по именам выучили? – спросила кудрявая лаборантка Наташенька.

– Сашкин мой одноклассник, – гордо ткнул себя в грудь Решетов, и принялся рассказывать о чем-то из прошлого.

Раскладывая файлы с темами занятий перед собой, Яна не слушала разговор, но несколько раз остановила взгляд на Решетове, и вздохнула. Зав кафедрой лысеет с каждым годом все сильнее, под глазами мешки, после выходных лицо, как правило, с вишневым оттенком, «пивной» животик, и невозможный запах пота в конце рабочего дня. «Если следователь Сашкин такой же раритет, то членораздельного обвинения мне придется ждать до пенсии» – опустила глаза Яна.

– Приветик, – вошла красивая аккуратная Светочка Решетова, дочь заведующего. В свои двадцать семь она всю трудилась над докторской диссертацией. Единственный ребёнок в семье, Светочка с детства играючи оправдывала ожидания родителей. И Яна ни разу не видела ее без косметики и без высокого каблука на обуви ни летом, ни зимой.

– Вадим Вадимович просил нас собраться в двести восемнадцатой, – сообщила Светочка, внимательно глядя на себя в зеркало. – В этой аудитории весь факультет должен поместиться.

– Поторапливаемся, красавицы, – изрёк Решетов и первым поспешил на собрание, показывая пример.

– Только если Вадим Вадимович просил, – пискнула Наташенька.

Проректора по интенсификации кадров, первого заместителя ректора, Ёмкина Вадима Вадимовича студенты запоминали обычно хорошо. Привлекательный лицом, статный, умный, хорошо воспитанный, он был «слабоват на передок». О его пристрастии к женщинам всех воз-

растов говорили чаще, чем о сроках сдачи экзаменов. Познакомиться с ним пришлось и Яне. Пару лет назад она проходила собеседование при устройстве на дополнительное место работы в институт. На основную ставку она трудилась и трудится в школе №13, конечно, преподавание – по совместительству. Тогда проректор соизволил оказать ей внимание – взял ее руку в свою, начал говорить что-то про учебный процесс. «У вас пахнет изо рта» – сказала тогда Яна, чтобы не обнадеживать его понапрасну. И больше на прием к проректору она не попадала. Правда, в месте работы ей не отказали, и это последнее позабавило ее и дало повод думать, что у Ёмкина здравого смысла все-таки несколько больше, чем кокетства.

Территориально школа с институтом находились на окраине города. Но пригород этот был своеобразным и весьма удобным для проезда аппендиксом большого города, в котором деловых центров построили значительно больше, чем школ. Платили в пригороде по тарифам деревни – городская учительница при прочих равных условиях и одинаковом размере стимулирующей части получала меньшую зарплату, чем Яна, добирающаяся до места работы за сорок минут – терпимая цена за стабильность. Никто из партнёров Константина не станет требовать от неё лучших оценок своему чаду. Никто из богатых подруг свекрови не сунет нос в то, как Яна ведёт урок или как шутит с ребятами из пятого класса на экскурсии в местном краеведческом музее. Пригород был ей приятен.

Трёхъярусный актёрский зал бурлил волнами публики. Яна опоздала, сделала бесстрашную попытку пробраться на галерку, но ее в суматохе толкнули другие опоздавшие, и она вынуждена была зайти на второй ряд. Поздоровалась со знакомыми сидящими вблизи. Вокруг обнаружилось сплошь хмурые лица. Толпа преподавателей, заполняющая просторное помещение, гудела наподобие толпы студентов, энергично пересказывающих сплетни из общаги, торопливо заканчивая очередную комичную историю до звонка. С той лишь разницей, что преподаватели не смеялись, не плевали жвачку на пол, и не играли в карты, пряча руки под столом.

Совсем рядом с Яной разместился ее одноклассник Сидоров Павел.

– У меня у ребенка вторые сутки температура, а я здесь как дурак, – пробормотал он, и посмотрел на свои ладони мутными от бессонницы глазами.

– Представь, что у тебя диарея, и смойся домой, – ответила Яна равнодушно.

Павел глянул на нее, крякнул, и поспешил к выходу, энергично протискиваясь сквозь толпу.

Послышался звонок, совсем как учебный, но он не умолкал почти минуту. Все притихли.

Поднялся Ёмкин и уверенно начал вступительную речь. Рядом с проректором сидели двое в полицейской форме, и еще один человек в бледно-розовой рубашке и опрятном темно-сером пиджаке. Яна внимательнее всмотрелась в лицо этого третьего гостя, и брови ее удивленно изогнулись. Сердце начало биться по вертикали. Спина и плечи оделись мурашками. Тот самый, что облил ее чаем в магазине. Только сейчас он одет более тщательно, волосы в полном порядке и выражение лица непроницаемое. «Недоволен». – Яна точно это знала, но объяснить не могла. Сложно представить, что он способен голос повысить. Опасность.

Мужчина холодно скользил взглядом по лицам в зале. На него никто не обращал внимания.

– Гаврила Сергеевич Сашкин, – провозгласил Ёмкин, и уступил место на кафедре незнакомцу в бледно-розовой рубашке.

– Доброе утро, господа, – начал Сашкин уверенно. – Мне очень жаль, что приходится отрывать всех вас от важных дел, но я вынужден быть навязчивым, чтобы закончить следствие в максимально короткие сроки. В ходе расследования мне придётся побеспокоить буквально каждого из вас. Поэтому, надеюсь, наше общение будет продуктивным.

Широкие плечи, хорошая осанка, но главное – черты лица. Бесстрастный опытный взгляд, красивый крупный нос, прямые строгие губы, характерные скулы и хорошая стрижка, позволяющая волосам лежать естественно и аккуратно. Голос прозвучал спокойно, отчетливо.

Прокурор немного растянул губы, видимо изображая улыбку, и прошел на свое место. В зале воцарилось молчание. Вероятно, половина из присутствующих просто не верили в убийство. Они ждали какой-то ловушки в рамках антикоррупционного закона. Каждый мыслил о личных грехах. Институтское начальство придерживало повышение заработной платы: нет смысла платить работникам лишнего, если они и так насобирают себе денежек взятками.

Слово снова взял Ёмкин. Он продекламировал что-то и долго витиевато уговаривал присутствующих содействовать следствию.

Озадаченная, не в силах управлять взбесившимися обстоятельствами Яна почувствовала себя ущербной. Ее глаза прилипли к подтянутой прямой фигуре Сашкина, она зачарованно впитывала его интонацию, движения, смысл слов. Неужели ему пятьдесят? Что он здесь забыл? А если Сергей его племянник, чего ей ждать от дяди? Как жаль, что они вообще как-то связаны... Лучше бы он был родственником кого-то еще...

Воспользовавшись заминкой, вызванной появлением участкового с листком доклада на тему безопасности в общественных местах, Гаврила Сергеевич прошёл вдоль столов президиума, шепнул что-то соседу в полицейской форме, и покинул зал. Собрание продолжалось еще около часа, но Яна не понимала глаз, она открыла электронную книгу в телефоне и, досчитывая до шестидесяти, перелистывала страницы. В самые отчаянные моменты жизни Яну неизменно выручали цифры: сложение, порядковый счёт, логарифмирование, манипуляции с десятичными дробями – всё музыка для ума. И в то же время здесь, в душной лекционной аудитории, ее пробирал озноб, течение мысли застывало строительным раствором. Предательские пальцы стали совершенно ледяными. И она тридцать седьмой раз дошла до шестидесяти и абсолютно искренне зевнула в кулак. Дела-а-а. Она думала, что заваривает кашу, а вышло, что получается прямо-таки борщ какой-то.

В три часа дня Яне понадобилось вернуться в школу. Стандартная ситуация: короткое обсуждение планов на будущий месяц вылилось к концу дня в строгое обязательство изложить подробный конспект и предоставить его в печатном виде. Опыт бывалых учительниц говорил о том, что любое новое начинание конечно же претерпит ряд поправок. Но стареющий директор Пажов возжелал прочесть наброски до понедельника, хоть тресни. Жизнь отучила Яну Александровну удивляться хитросплетениям школьных задач. Она сочла за лучшее не спорить с начальством, приехала и углубилась в составление блочной рабочей программы и скрепя сердцем затеяла выверку нового электронного пособия по геометрии для восьмого класса. Во истину, эта суббота претендовала на бесконечность! Коридоры привычно пусты – стены будут слушать тишину до утра понедельника. Но кропотливые завучи разойдутся лишь через пару часов примерно. И сторож станет делать обход, позвякивая ключами. Не хотелось бы оставаться так поздно. Значит, у нее есть девяносто минут чистого времени. Забавно, день начался так рано, но усталости нет. Дома в тазу замочена пропитанная имбирной жидкостью куртка и ещё ей непременно следует забрать Максима домой от свекрови, а то у той случится дичайшее переутомление и Яне снова придётся просить прощения за то, что Максим пробыл у любящей бабушки лишние минуты.

В учительской душно, светло и тихо. Щёки Яны покраснелись. Она согрелась по-настоящему. Приятный звук клавиатуры под пальцами заставляет работать ещё и ещё, словно это школьное умиротворение будет длиться вечно. Голова работает на удивление хорошо. И память не беспокоит её здесь.

Каждый звук, оттенок голоса прекрасно ей знакомы. Немного скрипит пол у окна. Пальчики Яны бегают по клавишам, теребят кнопку мыши, а разрозненные мысли тем временем становятся каждая на своё место. Отвлек громкий телефонный звонок. Свекровь. Кому же больше?

– Да, Татьяна Анатольевна, – тихо отозвалась она. Язык немного пристал к нёбу. Во время усердной работы, Яна по привычке плотно сжимала губы.

– Яна, тебе Костенька не звонил?

– Нет, не звонил ещё, – ответила Яна громче.

– Ладно, я Лещёва наберу, – решила свекровь и положила трубку.

«Значит, пора ехать за Максимом». – Поняла Яна.

Она добралась за сорок минут. Сидя в машине, застегнула сумку с большой осторожностью, словно оттуда могла выскочить голодная крыса. Неохотно выбралась из мягкого сиденья. Подошла к подъезду, потянулась к домофону, вздрогнула и резко обернулась.

– Я открою, – сказала худенькая девушка пришедшая вместе с ней. Они вошли, Яна поднялась, и немного задержалась перед квартирой. Пальцами она потянула уголки губ вверх, но от этого на душе стало еще гаже. Повернула ручку, вошла. Максим опять смотрит мультики, не услышал ее шагов, Татьяна Анатольевна с кем-то спорит по телефону.

– Не понимаю тебя, – услышала Яна. – Какая дача? Лещёв сказал, что ни в какой Краснодар ты не полетел.

– Мама, я тебе потом все объясню, – услышала она из телефонной трубки голос Костика. – Не говори Яне.

Яна дотронулась виском до дверного косяка. У свекрови очень качественная сотовая связь.

– Ты пробудешь там неделю? – теряя терпение, воскликнула Татьяна Анатольевна, в следующий момент заметила Яну и поспешно нажать отбой.

Всё ещё суббота. Три часа ночи. Нет, значит, уже воскресенье. Свет в квартире погашен. Макс тихо спит в своей кровати. Яна снова подошла к окну. Тротуар и дорога совершенно безлюдны, и ветра нет – кажется, смотришь не в окно, а на большую фотографию ночной улицы. Частый мелкий дождь тихо барабанит по подоконнику и бросает капельками в стёкла. Начался как-то сразу. Тонкие нитки воды возникают в свете фонаря, и бесследно исчезают в сумеречной темноте, невидимые без света. Мокрая гладь асфальта послушно отливает неонами, отражает мерцание рекламной надписи на стене. Глянцевая поверхность лужи дрожит каждой упавшей в неё каплей.

Неповоротливая, вялая, рассредоточенная от длительного напряжения Яна задернула шторы плотнее, зажгла ночник, и отправилась в гостиную на диван. Никто не пытается ее уничтожить. Никто не пробует её поддержать. Никто даже не заметил, что с ней происходит нечто странное. Сейчас, по крайней мере, она не вступает в противоборство, а лишь вяло тащится в неизвестном направлении. Училка экономит силы, которых почти нет.

На высокой стене гостиной тихо тикают овальные часы, приятно мерцаая серебряным ободком и тонкими веточками орнамента. Глубокой ночью тишина становится абсолютной, но люди редко дожидаются её, чтобы полюбоваться. Шорохи покидают мир, а у Яны и нет мира. Двадцать девять часов назад она убила человека, и, значит, недостойна находиться возле своего сына... Дверь в его комнату оставлена открытой. Он дышит так спокойно, беззвучно, словно мотылек. А ей кажется, что она кожей чувствует каждый его вдох и выдох... Тихий вдох и тихий выдох.

Ночь. Нежный бархат продуманной обстановки хорошего отеля. Навязчивый звук телефонного звонка не сразу разбудила Константина Заляхова. Рядом спала расслабленная глубокой дремотой Эля. Она оказалась не просто очередной микстурой от хандры – ее манера заниматься сексом подействовала на него ошеломляюще. Такая белокожая, такая ухоженная, а дикая как цыганка из романов про гусарские кутежи. Константин посмотрел на экран смартфона и сел в кровати прямо.

– Да?

– Извините, что побеспокоил. Есть новость. Геракл мертв.

– Сведения точные? – выдавил из себя Константин. В горле у него пересохло. Кровь пульсировала в висках.

– Это произошло в пятницу. Перун занимается этим. Я высылаю счет за свои услуги.

– Да, конечно.

Связь прервалась, но Константин все еще держал плоский телефон перед собой. Геракл умер. Двучленный, имеющий варианты действий вместо совести, циничный, непредсказуемый, вечно с сигаретой в зубах Сергей вчера... Константин с удивлением обнаружил на лице слезы. Как тяжело было читать эту книгу отношений с ним и теперь так больно от пустоты. Никто не понимал, отчего они могут быть лучшими друзьями. Константин и сейчас не умел передать этого. Но чувствовал, что отчаянно скучает. Предстань перед ним сейчас убийца Сергея, этот зверюга с трехдневной щетиной, Константин только закричал бы, подняв глотку к небу. Потому что никакое правосудие не может вернуть друга, пусть даже он был моральным извращенцем... Константин редко обращался к воспоминаниям, это было ему несвойственно. Только вот сейчас, когда пространство рассекла молния смерти Сергея, он задумался о буйном свободном веселье, которому они предавались, будучи подростками, как пробовали курить, пробовали пьянеть, пробовали женщин. Сергей пошел дальше, но Константин точно помнил, что последней его шалостью был секс в пять утра на ложе Дездемоны на сцене оперного театра в день какой-то премьеры. У него было две женщины и чугунная с похмелья голова.

Константин почти не курил, но сегодня он с наслаждением затянулся – смерть единственного человека, с которым он мог обсуждать воплощение своих прихотей, стала пробоиной в корпусе его превосходного корабля. Через пробоину поступала вода. Корабль его харизматичной самоуверенности плавно садился на мель. И чего-то запретного, перченого, распутного уже быть не сможет. Никогда... Сергей шантажировал, угрожал, он съехал с катушек, но Константина это не слишком пугало – он много раз видел, как его родная мать (бывшая директор школы №13) планирует вынудить к увольнению ту или иную неудобную ей учительницу, как она провоцирует людей на ссору, на измену, на развод. Манипуляции и зло были в глазах Константина явлением природы, чем-то неизбежным, словно снег в январе.

Яркое утро воскресенья.

Каждый день стал для Яны как неделя. Жизнь круто замесила её планы и испекла новую Яну, отсекая легкомыслие и покой.

Но погоде не было дела до каких-то там смертей. Бесстрастная ослепительная осень появилась сегодня прозрачной и яркой зарей. Осень четко знала свои права и никуда не торопилась, никому не сочувствовала, ни о ком не задумывалась. Независимое мягкое тепло летнего послесловия завладеет воздушной массой ровно к середине дня.

В половине восьмого Максим зашлепал голыми пятками по паркету, и Яна выключилась из тяжелой ночной дремоты. Она не спала и не бодрствовала, это организм забрал свои пять часов фригидного сна. Сейчас чистка зубов, завтрак на двоих и понадобится собирать сына на тренировку. Если посмотреть на тапочки в прихожей или на нетронутую постель в спальне, то приходит на ум отсутствие Кости, но сейчас он лишь помешал бы ей учиться жить заново. Да, это ненадолго. Настанет день возвращения, и придет время разговаривать и решать, но сегодня есть надежда, что ее оставят в покое. И существенной частью этой надежды было то, что Константин Заляхов останется там же, где и вчера.

В дверь позвонили. Максим, занятый поисками тренировочных штанов, не отреагировал на это. Внутренне Яна сжалась еще больше, и прильнула к глазку. Это подруга Даша, жена декана. Она, как и Костя, в первую очередь ценит в Яне ее правильность и разумные поступки. С кем еще дружить жене декана? Конечно, с безупречной женой Константина Заляхова. Инте-

ресно, была бы их идеальная дружба такой крепкой, если бы Даша узнала, что они с Костей все эти годы жили в гражданском браке, и свою фамилию Яна оставила не из гордости, а просто потому, что ее не меняла?

Даже если такая женщина явилась в половине девятого в выходной, придется открыть.

– Янок, – начала прямо с порога Даша. – Вам давно пора поставить решетки на окна, и завести немецкую овчарку.

– Пристроим к нашей квартире еще пару комнат, и заведем, – натужно улыбнулась Яна.

– Я серьезно, – бросила Даша через плечо. – Костя дома?

– Нет, он в Краснодаре.

Даша не ответила и повертелась перед зеркалом немного дольше обычного.

– Ты выглядишь взволнованной сегодня, – сказала Яна безо всякого чувства.

– Да, – отозвалась Даша сдержанно. – В здании института нашли мертвого мужчину. Его зарезали.

Яна вздрогнула, и обернулась, словно услышала обличительную речь.

– Олежек вчера до ночи в полиции все дела улаживал, если их вообще теперь можно уладить, – сказала Даша, и Яна поняла, что жену декана интересует не это.

– А почему они на твоего Олега накинулись, у нас что, ректора нет? – Яна заставила себя это произнести.

– Ректорат у нас на Мальдивах, по делам.

– Мам, мы опять опоздаем, – подал голос Максим.

– Погнали, Макс, – с энтузиазмом вступилась Даша. У нее не было своих детей, и хлопоты, связанные с бесконечными детскими нуждами, обычно только раздражали ее. Но, казалось, сегодня это не так. Даша никогда не приходила без цели, и сейчас она пришла за чем-то настолько для нее интересным, что проводы Максима не стали проблемой.

По дороге в спортивный клуб говорил в основном Максим, Даша вторила ему, и по временам косилась на подругу. Ее подозрительный взгляд не трогал Яну, она расслабленно, почти безвольно шла знакомым путем, подставляя лицо порывам осеннего ветра. Солнечный свет слепил. Яркие лучи дерзко скользили по гладким крышам, отражались в окнах, просвечивали полуголые ветви деревьев насквозь. Даже мелкие капли на жухлой листве под ногами отражали свет.

Возле клуба Максим весело помахал им рукой, и скрылся за коричневой дверью. Молодые женщины развернулись, и отправились обратной дорогой. Сегодня Яна не в силах была придумать подходящую тему для разговора.

– Теперь, Янок, рассказывай, почему ты сегодня выглядишь как смерть, – прорвало Дашу через десять минут. – Я не видела того мужика, которого у нас прикончили, но думаю он был жизнерадостнее тебя.

– Мне Костя изменяет, – безвольно и бездумно проговорила Яна. Сегодня она себя не узнавала. Не в ее правилах было трепать о личном. И вот сейчас она вывалила все без нажима, без особого повода. И кому? Жене декана. И все только для того, чтобы прикрыть камуфлирующей сеткой настоящие свои мысли.

– Я думала, ты мне соврешь, – тихо ответила Даша после паузы. – Мы ведь с Олегом их видели вчера вечером. Нас начальник полиции из ресторана вытянул. Гостей надо было угощать, а там твой...

– Забудь, сделай милость, – попросила Яна автоматически.

– Женская память коротка, ты же знаешь, – скорчила смешную рожицу Даша. – Сейчас кофе наварим, я тебе столько всего расскажу, что ты мигом отвлечешься.

Предоставленная сама себе, Яна провела бы эти свободные полтора часа уставившись в стену. Как еще истратить пару дней жизни до того, как полиция предъявит обвинение? Такой вот странный период, без сожаления и без радости. Невероятно, но впервые в жизни у Яны

исчезла цель. И в детском саду, и в школе, и в вузе, и на работе она сразу понимала, чего хотела бы достичь, строила планы, исправляла их, шла вперед, мечтала. Она прекрасно научилась выбирать, отбрасывая лишнее. Как мало глупых сомнений и потраченного времени было в ее жизни. Яна со школьной скамьи думала о профессии учителя, и рано поняла, что это бывает нелегко. Ей нравилось достигать, и нравилось побеждать в одиночестве, когда все остальные просто развели бы руками. Ей постоянно нравилось жить.

– Яна, – протяжно позвала Даша, нагибаясь к лицу подруги. – Я в третий раз спрашиваю, тебе кофе со сливками или с лимоном?

– С лимоном, конечно, – изобразила улыбку Яна. – Знаешь, оказывается, стресс может накрыть вот так сразу.

– А я тебе говорила, что раз в год следует вытаскивать мужа за границу, – отозвалась Даша. – У нас с тобой работа такая. Если целый год работать в курятнике, то, в конце концов, закудахтаешь.

– Ты же знаешь, я чокнутая училка, мне по понедельникам лучше, чем по воскресеньям.

– Я не такая, – медленно сказала Даша, отправляя в рот ломтик сыра. – Но я тоже жду понедельника. Наш ректор даже на Мальдивах думает о безопасности нашего вуза. Он созвонился с какими-то своими людьми, и ему пообещали помощь. – Даша хитро скосила глаза. – К нам приехал прокурор по фамилии Сашкин. Безжалостный и чёткий. Правда, говорят, у него упругая задница.

– Других характеристик нет? – скривилась Яна, чтобы не засмеяться.

– Вдовец, трое взрослых детей живут отдельно, – продолжала Дарья миролюбиво. – Так что он полностью вкладывается в работу. Снизойдет на раскрытие всего этого барахла, и слиняет через недельку дальше качать ягодицы. А покамест все препода в округе разом перестанут брать взятки. На время расследования этого тупого убийства.

– Почему тупого? – без эмоций спросила Яна.

– Потому что глупо убивать кого-то, если его можно аккуратненько доить каждую сессию. Яна попыталась улыбнуться.

– Все равно ты плохо выглядишь. Тебе нужна смена действий, – покачала головой Даша, и попробовала мармелад. – Работу свою ты не бросишь, так хоть роман с кем-нибудь закрути.

– Даша!

– Хватит уже делать из своего Кости священную корову!

– Как думаешь, у него это надолго? – без особого интереса спросила Яна.

– А он и раньше у тебя погуливал?

– Да, – нехотя призналась Яна.

– Уходи, – негромко ответила Даша, на ее лице отразилось простое искреннее сочувствие. – Он был с дочерью губернатора.

Яна поняла, что ее трясет, и заплакать не получается.

– И не надо так бледнеть, – выговорила Даша с набитым ртом. – Хороших мужчин не так мало, как об этом говорят. Найди любовника. Костян почувствует, и бросится тебя возвращать. И так до следующего мартовского помешательства, – хихикнула жена декана, потом заставила себя говорить серьезно. – Я позвоню маме, она кликнет вашего школьного директора, и уже на следующей неделе ты отправишься в командировку.

– Не надо! – в панике выпалила Яна, мимоходом понимая, что ее импульсивный страх просто смешон.

– Неправильно поставленный вопрос, – покачала головой Дарья. – Спроси меня «куда?».

– Куда, – механически повторила Яна.

– Далеко.

Яна поднялась из-за стола. Об оконное стекло с силой ударился комок, и полетел куда-то.

– Птица, – пролепетала Даша.

– Глупости.

– Нет, не глупости. Ты еще скажи, что в сны не веришь.

Брови Яны изогнулись в удивлении. От рафинированной, хорошо образованной супруги декана ожидать средневекового суеверия она не могла.

– У меня, конечно, тяжелые времена, но крыша пока еще на месте, – сосредоточенно сказала Яна.

– С таким явно негативным отношением к знакам своей судьбы далеко не уйдешь, – парировала не менее серьезная Даша.

– Стой, – мягко начала Яна, – Расскажи лучше про Сашкина.

Сказала, и пожалела. Идиотский выбор темы для разговора. Зачем? Безусловно, дальнейшие действия этого человека волнуют ее. И сам он, уверенная манера разговаривать, колючий скептический взгляд задели ее больше, чем можно было ожидать в подобных обстоятельствах. Но к чему словоблудие? За последние пару лет Яна устала от долгих микроскопически подробных сплетен. Казалось, всякая новость, попавшаяся в лапки дотошной женской компании, будет искажена и обслюнявлена. Нет сомнений, происходящее с ней тоже рано или поздно станут жевать, но только не теперь. Она не готова. Сегодня, сейчас, в разговоре с Дашей и так допущено слишком много ошибок.

– Почему ты спросила? – томно отозвалась Дарья.

Яна внимательно посмотрела подруге в лицо. Зачем она пришла?

– Если тема прокуратуры неприятна, мы не говорим, – пожала плечами Яна.

– Знаешь, – Даша закусила губку. – Когда он подходит, у меня мысли исчезают. Я так хочу, чтобы он взял меня за руку. Это неправильно! Я понимаю... Он совершенно посторонний человек, но у него такие плечи. Я сама себе противна.

– Ты про Олега? – окончательно запуталась Яна.

– Да нет же, – воскликнула Даша. – Ты что, Сашкина вблизи не видела?

– Ты без ума от пожилого мужчины, которого видела один раз?

– Пожилой, моя дорогуша, это шестьдесят плюс, а Сашкину чуток не хватает до пятидесяти, – выдохнула нетерпеливо Дарья. – И, вообще, я думала, ты меня образумишь, а ты сама заторможенная.

– Я тоже в Сашкина влюбилась, – сказала Яна не думая.

Даша дернулась, быстро глянула на подругу, и засмеялась.

– В тебе страсти не больше, чем у кактуса на нашем подоконнике. Правда он в отличие от тебя цветет.

– Думаю, твой кактус еще и моложе.

– Забавно, – улыбнулась Даша. – Мне легче. Немного. Захотелось узнать, где Олег.

– А что он сделал, твой Олег, почему ты стала смотреть на мальчиков вроде Сашкина? – спросила Яна, прекрасно понимая собственную бестактность.

– Ничего, – быстро ответила Даша. – Знаешь, это шутка была насчет него.

– Я так и подумала. Потому что женщины обычно влюбляются в таких, как твой Олег.

Половину воскресного дня заняла Дарья, вторая половина ушла на подготовку к утреннику в садике Максима. Стихотворение они старательно выучили. Костюмчик она отгладила, ботинки, рубашку и носки приготовила. Поздно вечером, когда сын уже крепко спал, Яна добралась до душевой кабины. Она вымыла себя словно большую постороннюю вещь, без эмоций, машинально выполняя знакомые действия. Зачем женщине ухоженное тело, зачем глянцево ногти на ногах, если внутри обожженное пространство. Перестала быть удобной и красивой – становишься бараклом.

Говорят, у человека должно быть заповедное место, возможно близкий, более мудрый, более выносливый человек, который способен подсказать или хотя бы выслушать, не осуждая.

Откуда берется этот неизменяемый кусочек счастья? Наверное, у хороших людей он просто есть, у плохих его нет, и они его отнимают. А как насчет *никаких* людей, насчет тех, кто был хорошим, и за вечер безвозвратно стал плохим? Почему у нее нет и не было всего этого? Зачем заставлять себя пить воду и глотать что-то из еды? Зачем жить такому человеку, как она? Пусть только Костя вернется, у него, по всей видимости, сейчас подходящая случаю фаза жизни. Яна Оладьева становится лишней.

Глава 3

Утро понедельника выдалось свежим. Яна очнулась ото сна в половине шестого – сырой воздух с улицы трогал её лицо и плечи. К восьми приехала свекровь, и без объяснений забрала внука на пару дней. Целых два раза в неделю пойти в гости к одной и той же бабушке было странным в их семье, но сегодня об этом никто не подумал.

Прекрасно, что Максим рос ответственным мальчиком, он помнил про утренник, и напомнил бабушке о парадных ботинках, чистой рубашке, и остальных приготовленных вещах. Татьяна Анатольевна соблаговолила взять фотоаппарат, стопку чистого белья для ребенка, и даже улыбнулась на прощанье.

Яной овладело мягкое всеобъемлющее безразличие с нотками цинизма.

Продолжение понедельника встретило ее дождем и ветром, плотная туча затянула небо так, что утро стало похожим на вечер. Уроков в школе битком. Да еще с самого утра названивал Решетов и просил приехать к началу второй пары, потому что господин Сашкин соблаговолит побеседовать с сотрудниками их кафедры именно сегодня.

В школе все тоже обсуждали убийство, и каждый подспудно радовался, что здание школы не было запятнано подобным образом.

Дико и горестно было ей брести по чистому почти родному школьному коридору, совершенно одинаковому все дни недели. Это бежевое напольное покрытие под подошвой ее обуви было настроено на рабочий лад и в воскресенье и в понедельник после обеда. Вот здесь, в восемнадцатом кабинете, идет урок русского языка – Ангелина Феликсовна четко тонко и строго дает свой предмет. Ее голос Яне приятно слышать в любой момент, строгость и подтянутая манера Ангелины Феликсовны органически подходила Яне, эта строгость обнадёживала ее.

Вот двадцатый кабинет, и Яна никогда не задерживается возле него. Здесь владения Елены Владимировны. Страшная и вздорная как мультипликационный тролль, Елена Владимировна трижды скандально развелась, не находила общего языка с единственной дочерью и умела испортить настроение любой коллеге, не повышая голоса. Ее предметом была биология и только здесь, среди учебников, парт и пульта от проектора ее маленькие, близко посаженные глаза горели священным огнем. Елена Владимировна ловко поддевала факты своим длинным носом и осаживала учеников одним только взглядом, даже если ответ был правильным. Предмет свой она страстно любила, одинаково веря в гений Дарвина и открытия Менделя, она горела биологией подобно тому, как старая дева сгорает под взглядом молодого физкультурника в облегающей майке.

Кстати, о молодости, следующий, двадцать первый кабинет, занимает Анатолий Григорьевич – издали он выглядит привлекательно. Высокий брюнет, движения неторопливые, одет классически до боли (жилетка поверх рубашки хороша в пятьдесят, тогда как Анатолию Григорьевичу чуток за тридцать). Он хорошо знает историю и свободное от работы время делал Елене Владимировне презентации к разным ее урокам, используя разные интернет платформы. Презентации служили Анатолию Григорьевичу спасительной мухой – точно так же как самец паука перед спариванием с самкой приносит паучихе немного еды, чтобы не быть съеденным. И, о да, биология и история спали вместе.

Яна отвернулась, чтобы забыть о них, спустилась на первый этаж и с благодарностью услышала приятный уравновешенный голос Евы Ивановны. Деепричастные обороты – это прекрасно, и если Александр Сакоевич взял Еву Владимировну на работу – толк из нее обязательно выйдет – директор никогда не ошибается относительно способностей своих учителей.

Работы было по горло, и Яна не стала задерживаться в учительской. Сегодня она всем была нужна, пришли сразу три матери учеников из вверенного ее руководству класса, и заняли

полчаса времени вопросами об аттестации, пропусках и тому подобном. В десятом часу директор устроил экстренное совещание по вопросам охраны, пожарной безопасности, и проблемах работы мед пункта. В результате Яна не успела ничего из того, что запланировала, и едва справилась с проведением текущих занятий.

Естественно, она опоздала на кафедру, и приехала лишь после третьей пары, чувствуя себя порядком пропотевшей. От машины до крыльца пришлось бежать под дождем.

В коридорах стихло. Перемена закончилась, и людской поток распределился по аудиториям. Дверь в преподавательскую осталась приоткрытой. Вокруг ни души. Яна стянула резинку с влажных волос, расстегнула пиджак, и, снимая его на ходу, вошла. Бросила портфель на свой стол, и инстинктивно обернулась. Дверь в кабинет Решетова оставлена распахнутой настежь, чего не бывает вообще никогда. В широком проеме виден стол, за которым неподвижно сидит хмурый Сашкин, и мрачно смотрит на нее. Его холодные глаза можно было бы назвать красивыми даже сейчас.

– Здравствуйте, – произнес он, едва разжимая губы. Он полностью собран, выжидает, рассматривая ее с неприязнью.

– Здравствуйте, – выдохнула она, стараясь гнать оцепенение прочь. – Я не специально опоздала.

– Я вижу.

Гаврила Сергеевич обманчиво лениво развалился в кресле. Яна отчаянно боролась с желанием схватить пиджак, поскольку в одном только платье, с голыми плечами она чувствовала себя недостаточно защищенной. Хотя, почему она должна так уж стесняться этого человека? У него внуки есть, наверное, ему не по чину женщину третировать.

– Присаживайтесь, – пригласил прокурор. – Раз уж я вас дождался, поговорим.

– У меня пара должна бы...

– Света заберет вашу подгруппу, – перебил Сашкин. – Проходите.

В последний раз Яна чувствовала себя такой скованной на собеседовании в школе, перед приемом на работу. Лет одиннадцать назад. Сейчас она незаметно ущипнула себя и выпрямила спину. Переступила порог кабинета, и уселась.

– Назовите свое имя.

– Оладьева Яна Александровна.

– Возраст.

– Тридцать четыре полных года.

– Институт единственное место работы для вас? – Сашкин смотрел в окно, и чисто механически задавал вопросы.

Яна не стала дожидаться очередной реплики, и пересказала свое резюме. Странная детская робость понемногу оставляла ее, отчего ум заработал удивительно хорошо.

Вот он, страшный дядька, весит, наверное, килограммов сто, ну и что же? Чисто выбрит, голос спокойный, глаза усталые, жесты сдержанные интеллигентные. Подумаешь, выше ее на голову, ну и что? И не ее, Яны, здесь вина, что у него плохое настроение. Она его не боится. Она может все рассказать, ей терять нечего, все равно посадят. Родственники Кости позаботятся о Максиме. Яна Оладьева умеет отвечать за свои поступки. Да, страшно. Да, хочется закатить истерику, но она не опустится перед ними перед всеми до подобного. Сначала пусть будет суд, и она очень громко расскажет обо всем, от чего встанут волосы дыбом у свекра и свекрови, у всех коллег по работе, у всех вообще...

– Вы одна из тех, кто был в прошедшую пятницу на работе. Заметили что-нибудь подозрительное? – Сашкин легко выпрямился, уставился на нее в упор, и его холодный серый взгляд стал невыносимо прямым.

– Ничего подозрительного я не заметила.

– Окна этой преподавательской расположены прямо напротив окон того самого коридора.

– Я редко смотрю в окно на работе.

– Замечательное качество, – усмехнулся Сашкин недобро.

– Извините, я надена пиджак, – поднялась Яна. Про себя она уже все решила. Но ей нужны были эти несколько шагов по комнате, чтобы ни трусить слишком сильно. Вывернуться наизнанку иногда сложнее, чем умереть.

– Замерзли? – спросил Сашкин, когда она снова опустилась в кресло. Он ни разу не отхлебнул из чашки. И только стойкий запах хорошо заваренного молотого кофе равномерно пропитывал воздух в помещении. По окну сплошным потоком лились густые струи дождя.

– Да, – ответила Яна, и смело посмотрела прокурору в глаза. – Мерзну с прошлой пятницы.

– Знаете, убитый знаком мне, – продолжала она дерзко и мрачно. – Только он и сам не знал, что я его прекрасно помню. Он шантажировал моего мужа два года подряд, применил для запугивания разные способы. У меня дважды пытались похитить сына, ранили няню. За одним из похищений я невольно наблюдала из окна. И все это Сергей, если это его настоящее имя. Итак, вы будете пользоваться дополнительными материалами при расследовании, господин следователь? Или вы, как и в полиции скажете, что состава преступления нет, и свидетелей не достать? Равно как и запуганная няня, которая просто уехала в неизвестном направлении?

Яна готова была накинуться на него, встретить любое проявление злости. Лицо ее напряглось, носик заострился.

В глазах Сашкина появилось любопытство. Он спокойно молчал.

– Хотите знать, кто убил? – Сверкнула она глазами.

Глаза Сашкина сузились, ледяная корка не пропускала эмоций.

– Хотите знать, кто убил Сергея, или хотите знать, кто убил тетку охранницу и Сергея? – безжалостно спрашивала она, и в эту минуту ей было безразлично, что она стучит лбом в стену, а не в дверь.

В коридоре слышался топот, шум нарастал. На полуслове Яну перебил громкий возглас Решетова.

– Гаврила Сергеевич! – ворвался всклокоченный заведующий. – А я опоздал! Опоздал! Что же ты сидишь? А, Яночка. Ну что, убедились, товарищ прокурор, что все мои сотрудники невинны как бараны? Жена моя приготовила потрясающий плов. Прошу.

– Извините, Яна Александровна, – поднялся Сашкин.

– Вы не закончили свою работу, господин следователь, – возразила Яна. Решетов выпучил на нее глаза, мол, кто добровольно станет отвечать на вопросы правоохранителей?

– На сегодня достаточно, – лениво отозвался Сашкин, и вернулся с полпути за своей курткой, которая висела на спинке кресла. Решетов уже испарился, его голос слышался в дальнем конце коридора.

Сашкин глянул на нее безразлично, неторопливо застегнул пиджак, обогнул стол.

– Правильнее говорить, господин прокурор, – произнес он негромко, аккуратно обходя ее, застывшую возле стула на котором недавно сидела. Свежий запах его одежды коснулся лица Яны. Запах полыни и прохладных мартовских сумерек.

Через полминуты мерные шаги Гаврилы Сергеевича затихли вдали, а Яна все еще стояла в пустом кабинете, и ей казалось, что все это сон. Спина покрылась мурашками, губы дрожали, по телу ядовитым потоком разлился трусливый озноб. Без широкоплечей фигуры Сашкина помещение стало пустым.

* * *

Часы показывали четверть двенадцатого. Она все еще бесцельно бродила по пустой квартире. Зазвонил телефон.

– Да? – не глядя ответила Яна.

– Привет, – сказал голос Кости, и ей показалось, что она не слышала его целый год.

– Привет, – хрипло ответила Яна.

– Мама сказала, что ты похудела, – услышала она непринужденное вранье того, кого хотела бы обнять прямо сейчас.

– Ты в Краснодаре?

– Нет, – сказал он честно.

– Костя, когда ты вернешься?

– Знаешь... – он осекся. Рядом с ним кто-то был, Яна знала. – Знаешь, давай поговорим без истерик. Отдай Максима моей маме, и мы все вместе посидим у нас дома. Обсудим ситуацию.

– Все вместе? – переспросила Яна. – Скольких человек ты приведешь?

– Нас будет трое, если считать тебя, – он помолчал. – Завтра ты можешь?

– Нет, – Яна начала приходить в себя, и к ней вернулась привычная рассудочность. – Завтра у меня встреча со следователем, а в пятницу мы едем на теплоходе с кафедрой. Приезжай в субботу после обеда.

Костя молча положил трубку. Она *достала* его, выпад достиг цели, прямо сказано о том, что неповторимый Константин занимает десятое место после теплохода. Но это не радовало.

Экран телефона погас и в комнате совершенно стемнело. Хорошо еще сын ничего не слышал.

Яна ссутулилась и присела на кровать. Показная правильность перестала служить ей поддерживающим корсетом. Она одна.

В глубине сознания давным-давно поселилась уверенность в том, что все душевные болезни лучше лечить работой. Сейчас она настолько сильно нуждалась в отвлечении, что в ход пошли даже самые скучные задания по организации никому не нужной математической дискуссии для пятиклассников, и план-макет успеваемости пятикурсников за последние три года их обучения в институте. Уже глубокой ночью Яна рассортировала рисунки Максима, аккуратно сложила их в папку и подписала. Армия кораблей и машинок маленького сына была с нежностью перенесена с ковра на нижнюю полку стеллажа. Под креслом нашелся самолет. Она поцеловала его и поместила на верхнюю полку. Сейчас даже прикосновение к фотографии ребенка казалось ей осквернением.

А потом была тьма и бессмысленные силуэты предметов окружающих Яну равнодушными декорациями очередной ночи. Она подумала о бабушкиной сестре, монахине Успенского монастыря за двести километров от их города. Надежда... Матушка Надежда никогда не бывала без дела и не страдала плохим настроением, у неё всегда было такое лицо, словно рано утром Иисус шепнул ей на ухо отличную шутку и она едва сдерживает смех, не желая делиться смыслом шутки с окружающими. Женщина счастлива в принадлежности, и матушка Надежда нашла себе безупречного Мужчину. Он не предаст её ни в сем веке, ни в будущем.

Интересно теперь, кому она, Яна, принадлежит? И должна ли она принадлежать после убийства?..

Осенние сумерки мягко рассеивались с появлением первых солнечных лучей, ещё немного и ночь уснёт до утра.

Кончились пять часов бессмысленной одинокой ночи.

Вторник был тем днем недели, который Яна целиком отдавала университету. Даже школьные коллеги не звонили в этот день, потому что учитель математики Оладьева сегодня проведет четыре пары и две параллельных консультации. Кроме того, завтра состоится олимпиада, ждут гостей из Димитровграда, Петербурга, Саранска. Преподавательская пуста, в деканате едва ли найдется хоть один зам. Все готово, все отдыхают перед завтрашним днем. Еще 15 минут и закончится третья пара. Половина дел сделана. Вот бы сесть за руль и уехать подальше. Просто перемещать себя в пространстве, крутить руль и переключать передачу, пока не кончится бензин. Но приходилось втолковывать свойство матрицы первокурсникам. Яна не брала

взяток, поэтому её материал был предельно ясен, и она с первой же лекции настаивала на том, чтобы все студенты вели тетради, куда будут вклеивать, по мере надобности, распечатанные ею карточки-конспекты, дающие ответы на экзаменационные вопросы. Очередной цилиндрический кусочек мела в её пальчиках раскрошился и кончился. Девушки за крайним столом беседовали явно не о числовых рядах. У юноши с алкоголичным лицом непрерывно вибрировал телефон. Отличник Андрей успевал не только писать конспекты, но и делать селфи, когда Яна поворачивалась лицом к доске.

Дверь аудитории распахнулась, и вошел Сашкин. В первый момент у Яны было такое чувство, что он заблудился, но она встретила его недовольный взгляд, и вышла за ним в коридор.

- Почему я никого не могу найти? – буркнул он.
- Сегодня затишье перед...
- Ясно, – перебил он. – Декан подготовил для меня списки?
- Идемте за мной, – проговорила Яна терпеливо.

Естественно, никто не выверял никакие списки – ограничились примитивной распечаткой. Но Яна знала, в чём суть, и решила не посылать грозного следователя на послезавтра.

Они спустились на второй этаж. Вошли в пустующий кабинет секретаря.

– Вот они, эти списки, – нагнулась Яна. – Насколько я вижу, здесь все четыре факультета. Самый полный перечень подозреваемых. Вместе с теми, кто в декретном отпуске и теми, кто недавно вышел на пенсию.

Она обернулась, и вздрогнула от неожиданности. Он стоял слишком близко и смотрел.

– Хотите меня убить? – спросила Яна дрогнувшим голосом.

Улыбка едва тронула прямую линию губ Сашкина, он отошел. Прошелся до окна, медленно обернулся и немного склонил голову набок. Сейчас он стал похожим на доброго терапевта из деревенской поликлиники.

– Яна Александровна, я вчера не смог выслушать вас внимательно. Можете излить мне душу сейчас.

– Давайте, я отдам вам списки, и вернусь к студентам, – вкрадчиво предложила Яна. Вчерашний день кончился, а сегодня она не чувствовала в себе сил быть жертвой.

Сашкин молчал.

Яна опустила глаза. В его присутствии ей тяжело было сосредоточиться. Вчера она готова была на всё. А сейчас почти полдень, ночь за плечами. Момент ушёл, и мысль о том, чтобы потерять сына, пугала. Она и так лишилась всех своих здравых мыслей, и, естественно, от каждого следующего дня придётся ждать ухудшений. Можно говорить, нужно говорить, но ей совершенно некуда стало торопиться.

Под каблуком бугрится старый линолеум. Совсем рядом на тумбочке находится электрочайник. Она тронула его. Очень горячий. Взяла с полки чистую кружку, налила кипятка, бросила чайный пакетик, добавила три ложки сахара, размешала.

– Яна, – позвал Сашкин. – Вы самая странная среди всех этих людей. Мне совершенно непонятна ваша заторможенная манера.

– Я получаю несказанное удовольствие, поэтому тяну время, – дернула она плечом.

– Кучу лет назад меня научили составлять психологический портрет преступника, в данном случае убийцы, – вздохнул он. – Прошло много лет, и я могу составить любой психологический портрет. Помогите мне составить ваш, иначе я не смогу вычеркнуть вас из списка подозреваемых.

– Вы и пришли сюда, чтобы подозревать всех и каждого, – равнодушно ответила она. Отчего пальцы дрожат? Голова будто налилась свинцом, ноги как ватные. Блин! Она совершенно забыла позавтракать, и не ужинала накануне вечером. Голода не будет, просто *нужно*

поест, как можно быстрее, иначе при ее телосложении недолго и в обморок грохнуться. Такое бывало, но допустить этого сегодня, *при нём*, она не может.

– Вас я подозреваю больше всех тех, кого опросил, – продолжал Гаврила Сергеевич, медленно направляясь к ней. – Для меня очевидно, что вы постриглись сегодня. А ваше лицо выражает такую скорбь, словно вас обрили наголо. Вы умная и терпеливая, Яна, и, я убежден, что ни прическа, ни факт смерти постороннего человека не могли бы так сильно опечалить вас. (Пауза). О чем ещё вы не рассказали мне?

Яна закрыла глаза на полсекунды, и глубоко вздохнула. Она и забыла, что была в парикмахерской.

– Я не заводная обезьянка, Гаврила Сергеевич, – тихо произнесла она. – Вчера вы меня напугали. Сегодня я слишком занята, чтобы пугаться.

– Обезьянка Янка, – сказал он без улыбки, глядя вдаль через оконное стекло. Золотистый луч яркого солнца сделал его лицо молодым.

Яна опустила в секретарское кресло. Она глаз не могла оторвать от залитого солнцем профиля Гаврилы Сергеевича.

– В вашем институте все прямо-таки дружат со мной, – продолжал он, резко обернувшись. – Вы тоже тяготеете к следствию, не так ли?

– Гаврила Сергеевич, – произнесла она, взбешенная тем, что он поймал ее взгляд. – Если вы не дадите мне сейчас выпить чашку чая, я вылью её прямо на вас.

Он подошел ближе и присел перед ней на корточки. Так странно было видеть его плечи ниже своих. Его губы усмехались, а в глазах светился задорный огонек. Морщинки в уголках рта. Тонкий запах сигарет от безупречной рубашки смешивался с травянисто-горьким запахом хорошей туалетной воды. Ей нравилась его большая шея, его уши, седина в волосах, нравились его крупные руки. Он издевался, он мог ее раздавить, но она не испытывала страха. Она бы не остановила его.

Так трудно было сейчас изображать насмешку взрослой женщины. Она забыла в машине помаду и от говорения губы противно слипались, но она не понурила взгляда. Кокетливо склонила голову на бок, и немного подалась вперед, отчего он вынужден был подняться и отступить на шаг. Его ноздри чуть дрогнули, но глаза смотрели по-прежнему спокойно.

– Только одна вы, уважаемая, так реагируете на мои вопросы, – вздохнул он с наигранной печалью.

– Вы очень проницательный, Гаврила Сергеевич. Я ведь просто хочу побыстрее очутиться в вашем кабинете, и подписать явку с повинной. Продиктуете? – она резко поднялась на ноги.

– Очутиться, Яна, это хорошо, – продолжил он после недолгого молчания, и большой теплой ладонью тронул ледяные пальцы ее руки, которой она оперлась о столешницу. – Я вернусь на следующей неделе.

– Яна Александровна, – напомнила Яна, и тут же встретила ироничный серый взгляд. Он набросил куртку, и вышел за дверь.

Она сглотнула и в глубине души чувствовала, что, возможно, смутила его, но и сама смутилась сверх меры. Запоздалый румянец вспыхнул на щеках. Догадливый настырный Сашкин становился неудобной очень колючей частью ее жизни.

У Яны опустились плечи, во рту пересохло, пальцы рук онемели. Некуда и не к кому убежать ото всего этого.

* * *

В четверг Татьяне Анатольевне наконец-то надоело заботиться о внуке. Она прислала его ровно в половине седьмого утра.

– Дед привез меня, – услышала Яна в трубке домофона радостный голос сына. Свекор помог занести вещи, молча улыбнулся, оставил еще пакет румяных настоящих яблок (от магазинных у внука появлялась сыпь), вручил ей горячий еще рулет с повидлом, и исчез за дверью.

Отца Костика Яна понимала значительно лучше, чем его мать – Заляхов-старший резко и мало говорил. Рулет испёк именно он, поэтому Яна обязательно позволит себе кусочек.

«По сравнению с матерью он просто деревенщина», – неохотно рассказывал о нем Костя, но Яна не всегда мирилась с его оценкой людей. Хоть Костя и был по факту ей самым родным человеком на всем свете.

– Что-то мне хочется в зоопарк, – хитро проговорил Максим через пятнадцать минут пребывания дома.

– Ты умышленно тянешь время, чтобы в садик опоздать, – ласково погрозила ему Яна, и вздохнула. – Я и сама бы лучше в зоопарк поехала, лишь бы от этого теплохода отделаться. Наташка на меня наседает, сил нет.

– Теплоход? – встрепенулся Максим. И Яна тут же пожалела, что распустила язык при ребенке.

– Пока папы нет, я твой кавалер!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.